Поссе

Социалистич. программы

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦАISS
П858

2-э

ЦА155
П858

W. Possé: Les programmes socialistes

№ 813
335
П.61

Prix: 10 коп., 25 cent.

ЦА 155
П 858

В. А. ПОССЕ

Соціалистическія Программы

изъ книги

«Теорія и практика пролетарскаго соціализма»

ЖЕНЕВА
1905

К.

ЦАІSS
17858

1100
28

Ц. 6949у

2010 г.
82

№ 813
338
п. 61

Какова должна быть программа русскихъ пролетаріевъ?

Глава I.

Названіе партіи.

Суть конечно не въ названіи. Названіе періодическаго органа, политической организаціи, религіозной секты, политической партіи и т. п., становится значительнымъ, многоговорящимъ и дорогимъ не само по себѣ, а потому, что̀ совершалось и совершается подъ его знаменемъ! Иногда насмѣшливое прозвище, брошенное противниками, становится въ концѣ концовъ дорогимъ и почетнымъ для общественныхъ борцовъ. Вспомнимъ хотя бы названіе «Гезы» (нищіе), брошенное испанскимъ царедворцемъ по адресу нидерландскихъ протестантовъ, названіе, которое изъ оскорбительнаго превратилось въ концѣ концовъ въ почетное и боевое.

«Отечественныя записки» — само по себѣ названіе довольно нелѣпое, но оно много говоритъ уму и сердцу цѣлаго поколѣнія лучшихъ русскихъ людей. «Гражданинъ», само по себѣ названіе очень значительное, является въ русской журналистикѣ символомъ ничтожества и мракобѣсія. Въ Россіи «Новое Время», ассоціируется съ представленіемъ о продажности и человѣконенавистничествѣ, въ Германіи «Новое Время» («Die neue Zeit») ассоціируется съ представленіемъ о неподкупномъ служеніи наукѣ и рабочему классу.

Партія съ громкимъ названіемъ «радикаловъ-соціалистовъ» прикрываетъ во Франціи отсутствіе и радикализма и соціализма; партія со скромнымъ названіемъ «Французской рабочей» является въ той же Франціи истинной выразительницей революціоннаго соціализма.

Русскому пролетаріату, стоящему наканунѣ созданія единой партіи, съ единой программой, слѣдуетъ выбрать названіе, съ которымъ были бы связаны лучшія революціонныя традиціи мірового рабочаго движенія.

Съ перваго взгляда такимъ названіемъ является «коммунистическая партія». Съ этимъ названіемъ связана память двухъ величайшихъ представителей идеи рабочаго класса: Маркса и Энгельса, и отъ имени «коммунистической партіи» появился знаменитый манифестъ, который по словамъ Энгельса, въ предисловіи къ нѣмецкому изданію 1890 года, «несомнѣнно является всего шире распространеннымъ, наиболѣе интернаціональнымъ произведеніемъ изъ всей соціалистической литературы», онъ «является общей программой многихъ рабочихъ всѣхъ странъ отъ Сибири, до Калифорніи.» И тѣмъ не менѣе предложеніе назвать свою партію коммунистической навѣрное не встрѣтило бы сочувствія со стороны огромнаго большинства русскихъ пролетаріевъ, такъ какъ *массовое* рабочее движеніе въ своихъ *массовыхъ* проявленіяхъ нигдѣ не носило названія коммунистическаго; не подъ этимъ названіемъ зародилось рабочее движеніе и у насъ.

Съ массовымъ рабочимъ движеніемъ гораздо тѣснѣе связано названіе «соціалистическаго». Цѣлый рядъ крупныхъ рабочихъ партій носилъ и носитъ это названіе; «соціалистическими» оффиціально называются международные рабочіе конгрессы, и когда на Брюссельскомъ рабочемъ конгрессѣ поднятъ былъ вопросъ объ общемъ названіи для международной партіи борющагося пролетаріата, то со стороны Парижскаго центральнаго революціоннаго комитета было предложено—«международная *соціалистическая* партія», со стороны бельгійской рабочей партіи—«международная *соціалистическая* рабочая партія». Обсужденіе этого вопроса было отложено до слѣдующаго конгресса, но на этомъ конгрессѣ, состоявшемся въ 1893 г. въ Цюрихѣ, вопросъ объ общемъ названіи не обсуждался, и по знаменательной случайности многія резолюціи этого конгресса упоминаютъ не о международной соціалистической партіи, а о международной соціалдемократіи. Изъ резолюцій двухъ слѣдующихъ конгрессовъ «международная соціалдемократія», исчезаетъ, и мы снова встрѣчаемся

съ «соціалистами», съ «международнымъ соціалистическимъ конгрессомъ» и т. д. Очень возможно, что на слѣдующемъ конгрессѣ, на который нѣмецкая соціалдемократія явится послѣ своей блестящей избирательной побѣды нынѣшняго года, мы въ резолюціяхъ снова встрѣтимся съ «международной соціалдемократіей». Несомнѣнно на международной почвѣ происходитъ борьба между наименованіями «соціалистическимъ» и «соціалдемократическимъ». Первое болѣе мило народамъ романскимъ, второе — народамъ германскимъ. Въ Германіи и Австріи объединенное рабочее движеніе идетъ подъ названіемъ соціалдемократіи, а во Франціи нѣтъ въ настоящее время политической партіи, которая носила бы названіе соціалдемократической. Прежде было иначе. Если не ошибаемся, впервые соціалдемократами стали называть себя въ концѣ 30-хъ годовъ нѣкоторые изъ англійскихъ чартистовъ, но первой партіей формально назвавшей себя соціалдемократической была французская партія 40-хъ годовъ, во главѣ которой стояли Луи Бланъ и Ледрю Лорэнъ. Она, по выраженію Энгельса, какъ небо отъ земли отличалась отъ нынѣшней нѣмецкой соціалдемократіи, но тѣмъ не менѣе коммунисты до революціи 48-го года считали возможнымъ «поддерживать ее противъ консервативной и радикальной буржуазіи, не отказываясь при этомъ отъ права относиться критически къ фразамъ и иллюзіямъ, вытекающимъ изъ революціонныхъ традицій».

1848 годъ показалъ, что фразы соціалдемократическихъ идеологовъ были гораздо двухсмысленнѣе, чѣмъ думали коммунисты. Рѣчь Ледрю Лорэна по отношенію къ парижскимъ рабочимъ была по истинѣ предательской, и на немъ лежитъ часть отвѣтственности за звѣрства Кавеньяка. Измѣна Ледрю Лорэна рабочему классу не была измѣной единичнаго лица, это была измѣна сознательнаго представителя мелкой буржуазіи. За соціалдемократами шли рабочіе, но соціалдемократы представляли интересы мелкой буржуазіи. Къ коммунизму и соціализму тогдашніе французскіе соціалдемократы относились крайне отрицательно, желая улучшить положеніе рабочихъ, не нарушая ни современнаго общества, ни современнаго государства, во всемогущество котораго они вѣрили, или показывали видъ,

что вѣрятъ. Понятно, что у французскаго пролетаріата со словомъ «соціалдемократія» не связывается представленія о правильномъ выраженіи идеи рабочаго класса. И во имя французскихъ соціалдемократовъ, мы не предложили бы русскому пролетаріату назвать свою партію соціалдемократической.

Если названіе «соціалдемократическая партія» имѣетъ право бороться съ названіемъ «соціалистическая», какъ на международной почвѣ, такъ и въ отдѣльныхъ странахъ, то не во имя французскихъ, а во имя нѣмецкихъ традицій. Въ Германію слово «соціалдемократія» занесено изъ Франціи, и первый видный представитель нѣмецкой соціалдемократіи, Лассаль, вмѣстѣ съ названіемъ воспринялъ отъ французскихъ соціалдемократовъ не мало ихъ отрицательныхъ чертъ, въ томъ числѣ чрезмѣрную вѣру въ современное государство. Но въ процессѣ своего развитія нѣмецкій рабочій классъ очистилъ свою идеологію отъ лассальянской государственности и, сохранивъ для своей партіи названіе соціалдемократической, выставилъ программу коммунистическую, вѣрную основнымъ принципамъ первыхъ коммунистовъ.

Въ Германіи и Австріи рабочій классъ и соціалдемократія сдѣлались почти тождественны: внѣ соціалдемократіи — тамъ нѣтъ сознательнаго рабочаго движенія, и съ этимъ фактомъ необходимо считаться пролетаріату всѣхъ другихъ странъ и въ особенности намъ русскимъ, территоріально соприкасающимся съ нѣмцами и съ австрійцами.

Называя себя соціалдемократіей, русскій пролетаріатъ показываетъ, что онъ стремится къ полному сліянію съ могучимъ пролетаріатомъ нѣмецкимъ, и не случайностью, не произволомъ отдѣльныхъ лицъ, а вліяніемъ пролетаріата сосѣднихъ странъ, объясняется что въ 90-хъ годахъ русское рабочее движеніе, проявляясь массовыми вспышками, стало организоваться въ мѣстные союзы и комитеты, представители которыхъ называли себя соціалдемократами*). Не случай-

*) Замѣчательно, что еще «Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ» въ основаніи котораго дѣятельное участіе принималъ Степанъ Халтуринъ, заявлялъ въ своей программѣ, изданной 12 января 1879 г., что онъ «тѣсно примыкаетъ по своимъ задачамъ къ *соціально-демократической партіи Запада*.»

ность, что въ 1898 году эти мѣстныя организаціи сдѣлали попытку образованія единой *соціалдемократической* партіи. Попытка эта не удалась, ни формальнаго, ни фактическаго единства не было, но была упорная борьба, было много страданій, было много жертвъ во имя *соціалдемократіи*. Многимъ сознательнымъ и борющимся русскимъ пролетаріямъ «соціалдемократія» стала словомъ дорогимъ и многоговорящимъ. Но на ряду съ борцами, называющими себя соціалдемократами, ведутъ борьбу, страдаютъ и жертвуютъ собой «соціалисты-революціонеры», среди которыхъ также не мало пролетаріевъ и которые свое соціалистическое, а не соціалдемократическое наименованіе, унаслѣдовали отъ борцовъ славной памяти «Народной Воли».

Соціалдемократическая газета «Искра», разбирая въ № 5 (іюнь 1901) «манифестъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ» пришла къ заключенію, что между принципами этого манифеста и принципами русскихъ соціалдемократовъ нѣтъ почти никакой *разницы*, что «соціалисты-революціонеры представляютъ собою плоть отъ плоти и кость отъ костей русскихъ соціалдемократовъ», что соціалисты-революціонеры по вопросу о политической борьбѣ стоятъ выше «соціалдемократическихъ недорослей», а по вопросу о необходимости «строго конспиративной организаціи ядра партіи, ограниченнаго по своему составу и численности» превзошли, повидимому, не однихъ только «недорослей», а всѣхъ вообще русскихъ соціалдемократовъ. Призывая «соціалистовъ-революціонеровъ» соединиться съ «соціалдемократами», «Искра» спрашивала: «неужели соціалисты-революціонеры думаютъ, что они нравственно обязаны *называться*, какъ Перовская и Желябовъ, въ такое время, когда Перовская и Желябовъ, навѣрное, назывались бы иначе». И въ примѣчаніи она поясняетъ: «говоримъ: *называться*, потому что *думаютъ* соціалисты-революціонеры по нынѣшнему, т. е. *какъ соціалдемократы*».

Этотъ призывъ вскорѣ смѣнился объявленіемъ соціалистамъ-революціонерамъ безпощадной войны, но мы цѣнимъ призывъ къ соединенію несравненно больше объявленія войны; мало того мы думаемъ, что названіе партіи русскаго пролетаріата соціалдемократической, а не соціалистической нельзя считать вполнѣ

предрѣшеннымъ. Вопросъ о соединеніи поднимется вновь. Объединятся пролетаріи обѣихъ фракцій, пролетаріи по своимъ интересамъ и взглядамъ, откинувъ буржуазные элементы, которыхъ не мало въ обѣихъ фракціяхъ.

Какъ будетъ называться эта объединенная партія? Соціалдемократической, соціалистической или какънибудь иначе, напримѣръ пролетарской, просто рабочей или коммунистической?

Мы полагаемъ, что въ концѣ концовъ и на международной и на русской почвѣ побѣдитъ названіе: «соціалдемократическая», такъ какъ нѣмецкіе и австрійскіе пролетаріи лучше другихъ владѣютъ марксистскимъ методомъ и, окончательно освободившись отъ лассальянской государственности, внесутъ наибольшую долю энергіи и выдержки въ классовую борьбу международнаго пролетаріата. Но, разумѣется, чѣмъ большее число пролетаріевъ всѣхъ странъ будетъ называть себя соціалдемократами, тѣмъ сильнѣе въ «соціалдемократіи» будетъ выступать идея рабочаго класса, тѣмъ революціоннѣе будетъ ея борьба.

Во всякомъ случаѣ въ данный моментъ идетъ дѣло пока лишь объ объединеніи русскихъ пролетаріевъ, именующихъ себя соціалдемократами, и мы въ предлагаемомъ на обсужденіи товарищей проектѣ программы, считаемъ наиболѣе правильнымъ называть партію *соціалдемократической*.

Надо замѣтить, что такъ сказать этимологически это названіе крайне удачно. Освобожденіе пролетаріата, освобожденіе рабочаго класса возможно только при торжествѣ народной воли (демократизмѣ) и при уничтоженіи частной собственности и товарнаго производства (соціализмѣ).

Народовольцы иногда называли себя соціалистами революціонерами, иногда соціалистами-народниками, что однозначуще съ соціалистами-демократами.

Товарищи, сдѣлавшіе въ 1898 году попытку создать единую соціалдемократическую партію назвали ее еще *рабочей*. Не лишнее ли это слово? Не заключаетъ ли уже слово «соціалдемократическая» также и понятіе «рабочая»? Можетъ ли «соціалдемократическая»

партія не быть партіей «рабочей»? Лишнимъ казалось это слово Адлеру и другимъ членамъ комиссіи, пересматривавшей австрійскую соціалдемократическую программу въ 1901 году. Они предложили измѣнить названіе партіи, поставивъ вмѣсто «соціалдемократической рабочей партіи Австріи» — «Австрійская соціалдемократія». Но это предложеніе встрѣтило сильный протестъ со стороны многихъ товарищей, и комиссія поспѣшила единогласно взять предложеніе обратно. Предлагая измѣнить названіе болѣе длинное на болѣе короткое, комиссія, по словамъ Адлера, желала сдѣлать программу возможно красивѣе.

«Партія», — сказалъ Адлеръ на Вѣнскомъ партейтагѣ, — «говорящая въ своей программѣ, что носителемъ всего общественнаго развитія является организованный рабочій классъ, прекрасно конечно можетъ носить названіе «рабочей партіи», но точно также хорошо она можетъ обойтись и безъ этого названія, но я всегда со вниманіемъ относился не только къ мыслямъ, но и къ чувствамъ рабочаго класса, и какъ только мы увидѣли, что это измѣненіе названія, правда, не вызываетъ опасенія, какъ бы вмѣстѣ съ этимъ не измѣнилась сущность партіи, но что ваши чувства оскорбляются измѣненіемъ этого названія, сдѣлавшагося историческимъ, такъ тотчасъ комиссія единогласно рѣшила взять обратно предложенное измѣненіе названія».

Мнѣ кажется, что предложеніе выкинуть слово «рабочее» непріятно затронуло чувство австрійскихъ пролетаріевъ не потому, что это названіе сдѣлалось уже историческимъ, а потому что отъ ихъ вниманія не ускользнуло стремленіе нѣкоторыхъ интеллигентныхъ соціалдемократовъ противопоставлять соціалдемократію рабочему классу. Адлеръ менѣе, чѣмъ кто-нибудь способенъ намѣренно дѣлать подобныя противопоставленія, именно потому онъ такъ просто сдѣлалъ свое предложеніе и такъ просто взялъ его обратно.

Но среди русскихъ соціалдемократическихъ вожаковъ есть лица очень рѣзко противопоставляющіе рабочій классъ соціалдемократіи, и у насъ вопросъ объ оставленіи или исключеніи слова «рабочій» является очень чувствительнымъ. «Красота» здѣсь должна уступить мѣсто ясности и опредѣленности.

Итакъ по моему мнѣнію фактически объединенная партія должна называться «соціалдемократической рабочей», какъ это уже было установлено на съѣздѣ 1898 года.

Измѣнить, по моему мнѣнію, слѣдуетъ одно только слово: вмѣсто «россійская» — «русская». Измѣненіе это *не* маловажное.

Съѣздъ 1898 года выбралъ для партіи названіе «россійская», вмѣсто «русская» преднамѣренно, желая показать, что партія является представительницей интересовъ не спеціально русскаго пролетаріата, а всѣхъ національностей, населяющихъ территорію современной россійской имперіи.

«Наконецъ наша партія есть партія «*всероссійская*» — говоритъ авторъ извѣстной брошюры «Рабочее дѣло въ Россіи», ибо она защищаетъ интересы всероссійскаго пролетаріата безъ различія національности и вѣроисповѣданія, стремится объединить подъ своимъ знамеуемъ для общей борьбы рабочихъ всѣхъ національностей, населяющихъ Россію».

Въ сущности всякая соціалдемократическая партія защищаетъ интересы пролетаріата безъ различія національности и вѣроисповѣданія. Но та соціалдемократическая партія, наканунѣ организаціи которой мы, вѣроятно, стоимъ, не можетъ претендовать въ настоящее время на объединеніе подъ своимъ знаменемъ всѣхъ рабочихъ, населяющихъ Россію.

У польскихъ, литовскихъ и финляндскихъ рабочихъ есть свои прекрасно организованныя пролетарскія партіи, которыя могутъ конечно войти въ тѣсный союзъ съ нашей, только еще организующейся партіей, но о полномъ слитіи, о вступленіи подъ знамя нашей программы рабочихъ этихъ національностей, какъ отдѣльныхъ членовъ, подчиненныхъ общей партійной организаціи, не можетъ быть и рѣчи.

Своеобразное положеніе занимаетъ въ данномъ случаѣ организованный еврейскій пролетаріатъ. Представители «общееврейскаго рабочаго союза въ Россіи и Польшѣ» (Бунда) принимали участіе въ съѣздѣ 1898 г., и «Бундъ» вошелъ въ партію, какъ «автономная организація, самостоятельная лишь въ вопросахъ, касающихся спеціально еврейскаго пролетаріата». Рѣшеніе съѣзда не упоминаетъ, должны ли были являться рус-

скія организаціи самостоятельными въ вопросахъ, касающихся спеціально *русскаго* пролетаріата. Справедливость требовала-бы, чтобъ это было такъ, но тогда какая бы это была единая партія, гдѣ русскіе бы дѣйствовали самостоятельно въ вопросахъ касающихся спеціально русскаго пролетаріата, а евреи въ вопросахъ, касающихся спеціально еврейскаго пролетаріата? На практикѣ автономность Бунда, какъ она формулирована въ рѣшеніяхъ съѣзда, вѣроятно вызвала бы много недоразумѣній, но «практики» не было, такъ какъ фактически не существовало объединенной соціалдемократической рабочей партіи.

Отношеніе Бунда къ партіи за все время ея существованія можно формулировать такъ: «не было никакихъ отношеній», заявилъ недавно (1903 г.) заграничный комитетъ Бунда въ своемъ оффиціальномъ органѣ «Послѣднія извѣстія».

Россійской соціалдемократической рабочей партіи фактически не существовало, а между тѣмъ еврейскій пролетаріатъ, союзъ котораго долженъ былъ входить въ эту партію, какъ автономная организація, сложился по заявленію заграничнаго комитета Бунда въ самостоятельную политическую партію.

«Если бы «Искра» дала себѣ трудъ, — писалъ заграничный комитетъ въ № 112 «Послѣднихъ извѣстій» — заглянуть напримѣръ въ № 30 Arbeiterstimme, въ статью «П. П. С. объ еврейскомъ рабочемъ движеніи», или въ передовую статью № 12 Warschaver Arbeiter, или—такъ какъ она не знаетъ по еврейски — въ брошюры: «Къ вопросу о національной автономіи», «IV съѣздъ Бунда», «Возваніе къ еврейской интеллигенціи» (изд. по русски), то она, къ немалому своему удивленію, узнала бы, что мысль о томъ, что еврейскій пролетаріатъ *сложился въ самостоятельную* политическую партію» (мы подчеркнули эти слова, которыя поразили «Искру» своей «новизной») можетъ быть сюрпризомъ только для тѣхъ, которые совершенно не знакомы съ литературою Бунда. Если-бы «Искра», далѣе дала себѣ трудъ освѣжить въ своей памяти исторію соціалдемократическаго движенія въ Россіи за послѣдніе 5 лѣтъ, она, къ великому своему прискорбію, убѣдилась бы что то, что ей теперь кажется «новостью», есть въ сущности уже совершившійся фактъ,

противъ котораго можно метать «искры», но, не признавать которыхъ было бы ребячествомъ.»

Разъ еврейскій пролетаріатъ сложился уже въ самостоятельную политическую партію, то естественно и русскому пролетаріату прежде всего нужно сложиться въ самостоятельную *русскую* политическую партію и затѣмъ уже устанавливать связь съ самостоятельными партіями другихъ національностей, населяющихъ территорію россійской имперіи.

«Бундъ можетъ быть и желаетъ быть», — писалъ заграничный комитетъ Бунда 27 апрѣля 1903 года въ отдѣльно изданной статьѣ «Автономія и Федерализмъ», —«федеративной *частью* россійской партіи, построенной на федеративныхъ началахъ, но онъ не можетъ находиться въ «федеративной связи» съ нею, ибо такая «связь» предполагаетъ двѣ *стороны*: Бундъ и Россійскую партію, а это не можетъ быть: безъ Бунда россійская партія перестаетъ быть «россійской», т. е. прекращаетъ свое существованіе; однѣ объединенныя русскія соціалдемократическія организаціи могутъ составить *русскую* партію, а не россійскую.»

Еслибы русскими товарищами этотъ вопросъ былъ поставленъ также опредѣленно, то можетъ быть былабы избѣгнута товарищеская полемика между «Искрой» и членами Бунда, находящимися какъ заграницей, такъ и въ Россіи. О характерѣ этой полемики можно судить, хотя-бы по слѣдующему отрывку изъ заявенія Одесскихъ организованныхъ прикащиковъ, членовъ Бунда, помѣщеннаго въ № 114 «Послѣднихъ извѣстій»: «Мы не удивляемся, что г. корреспондентъ, который, судя по всему, душевно страдаетъ по поводу «неоффиціальнаго» функціонированія Бунда въ Одессѣ и горитъ желаніемъ во чтобы то ни стало подорвать довѣріе къ Бунду на Югѣ, —прибѣгъ къ недостойному революціонера оружію—клеветѣ; мы также не удивляемся, что «Искра» безъ колебанія помѣстила у себя завѣдомо ложное свѣдѣніе: мы знаемъ, что она съ удовольствіемъ печатаетъ всякія измышленія, могущія скомпрометировать Бундъ. Насъ только удивляетъ, что корреспондентъ «Искры» рѣшился избрать объектомъ своей клеветы прикащиковъ, ибо, если онъ принимаетъ участіе въ одесскомъ революціонномъ движеніи, онъ не

могъ не знать, что идетъ на встрѣчу несомнѣнной опасности быть пойманнымъ съ поличнымъ.»

Мы опасаемся, какъ-бы на предстоящемъ съѣздѣ бундисты не стали пытаться ловить своихъ товарищей-искристовъ съ поличнымъ, что потребуетъ, если вѣрить одесскимъ прикащикамъ, не мало времени.

Нѣтъ, было-бы гораздо лучше, если бы русскіе соціалдемократическія организаціи собрали свой русскій съѣздъ, организовали бы свою русскую партію и затѣмъ взяли-бы на себя иниціативу созыва съѣзда всероссійскаго изъ представителей всѣхъ революціонныхъ партій, дѣйствующихъ въ предѣлахъ Россіи, въ томъ числѣ и соціалистовъ революціонеровъ, которыхъ Плехановъ слишкомъ поспѣшно назвалъ «соціалистами-реакціонерами».

Итакъ я предлагаю, чтобъ русскія соціалдемократичсскія организаціи объединились-бы въ *русскую соціалдемократическую рабочую партію.*

Глава II

Построеніе программы

Пролетаріатъ—единственный классъ, интересы котораго совпадаютъ съ интересами всего человѣчества; пролетаріатъ—единственный классъ, интересы котораго совпадаютъ съ дальнѣйшимъ ходомъ экономическаго развитія; пролетаріатъ—единственный классъ, требованія котораго могутъ быть обоснованы научно. Программа партіи пролетаріата не только по своему содержанію, но и по самому своему построенію должна рѣзко отличаться отъ программъ буржуазныхъ и феодальныхъ партій. Только у партіи пролетаріата возможна научная теоретическая часть программы, на которой какъ на твердой основѣ зиждется часть практическая, указывающая тѣ измѣненія, которыя предстоитъ произвести пролетаріату въ существующемъ политическомъ и общественномъ строѣ, а также тѣ средства борьбы, которыя диктуются ему самимъ его общественнымъ положеніемъ. Построеніе пролетарской программы до извѣстной степени намѣчено уже «коммунистическимъ манифестомъ». Сначала—научное изложеніе хода общественнаго развитія, изъ котораго сама собой вытекаетъ характеристика пролетаріата, его партіи и его противниковъ; затѣмъ — практическія мѣропріятія и отчасти средства борьбы.

Но «манифестъ», конечно не программа.

«Программу не слѣдуетъ смѣшивать съ манифестомъ»,—сказалъ въ 1891 г. В. Либкнехтъ на Эрфуртскомъ партейтагѣ,—съ манифестомъ, «который бросается, какъ обвинительный актъ современному обществу, который ставится передъ нимъ, какъ зеркало, каковымъ былъ сорокъ три года тому назадъ коммунистическій манифестъ».

Программа должна быть схематичнѣе, короче, суше; въ ней нѣтъ мѣста ни негодующимъ обвиненіямъ, ни боевымъ восклицаніямъ; ея теоретическая часть должна состоять изъ ряда краткихъ научныхъ положеній, вытекающихъ одно изъ другого, но по своей формѣ

по возможности самостоятельныхъ; ея практическая часть должна состоять изъ ряда требованій, формулированныхъ *по возможности* съ законодательною точностью.

«Коммунистическій манифестъ» — не программа, но онъ, до извѣстной степени, даетъ путеводную нить для ея построенія.

Авторы «Манифеста» лучше, чѣмъ кто-нибудь другой, владѣли научнымъ методомъ при изученіи общественныхъ явленій. Они превосходно выяснили себѣ соотношеніе между категоріей необходимости и категоріей свободы, между объективнымъ и субъективнымъ отношеніемъ къ общественнымъ явленіямъ. Можно разсматривать ходъ общественнаго развитія совершенно объективно, съ точки зрѣнія необходимости или закономѣрности, тогда передъ нашимъ умственнымъ взоромъ совершается смѣна явленій въ ихъ безпрерывной причинной зависимости. Каждое явленіе одновременно –слѣдствіе предыдущаго и причина послѣдующаго. Причина поглощается слѣдствіемъ, и такимъ образомъ порождается новое явленіе. Постоянства нѣтъ. Все движется, все безпрерывно измѣняется; но эта непрерывность иногда какъ бы нарушается, когда количественное накопленіе измѣненій въ томъ или въ другомъ явленіи достигаетъ качественнаго размѣра: намъ кажется тогда, что *количество* переходитъ въ *качество*, что то или другое явленіе превращается въ свою противоположность.

Въ этомъ процессѣ «воля» и сознательная дѣятельность, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ группъ, представляется звеномъ въ общей цѣпи причинъ и слѣдствій. Здѣсь нѣтъ мѣста случайности. Чѣмъ больше мы углубляемся въ ходъ общественнаго развитія, чѣмъ большимъ количествомъ точныхъ фактовъ мы располагаемъ, тѣмъ легче намъ понять, почему тотъ или другой общественный классъ стремился къ той или другой цѣли, почему онъ дѣйствовалъ такъ, или иначе, и тѣмъ легче будемъ мы предвидѣть, какъ тотъ или другой общественный классъ будетъ мыслить и дѣйствовать впослѣдствіи.

Разсматривая такъ ходъ общественнаго развитія, человѣкъ является лишь объективнымъ наблюдателемъ, объективнымъ мыслителемъ, въ кругъ наблюденій ко-

тораго входитъ даже его собственная дѣятельность. Но люди не только мыслители, они дѣятели, и, какъ дѣятели они выходятъ изъ области необходимости и вступаютъ въ область свободы. При объективномъ наблюденіи своей собственной дѣятельности, психическая личность человѣка распадается на субъектъ и объектъ; при вступленіи въ область дѣятельности субъектъ и объектъ сливается въ одно «я», которое сознаетъ себя не какъ слѣдствіе предыдущихъ явленій, а лишь какъ причину явленій послѣдующихъ. Дѣятель чувствуетъ себя свободнымъ поступать такъ, или иначе, его личность дѣлается *желающей*, волевой. Но направленіе и сила воли или желанія въ бо̀льшей или меньшей степени опредѣляется предшествовавшимъ дѣятельности объективнымъ наблюденіемъ хода общественнаго развитія. Воля, какъ бы приспособляется къ разуму, она становится все разумнѣе и устойчивѣе, другими словами, желанія человѣка дѣлаются осмысленнѣе, дѣятельность болѣе плодотворной. Узнавъ изъ наблюденія «силу вещей», узнавъ направленіе хода общественнаго развитія, человѣкъ руководствуется этимъ при выискиваніи путей для удовлетворенія своей потребности, для улучшенія своей жизни. Его роль по отношенію ко всѣмъ другимъ явленіямъ увеличивается, онъ все болѣе становится властителемъ природы и творцомъ своей собственной судьбы, онъ становится дѣятелемъ *сознательнымъ*.

Соціалдемократическая программа должна быть, конечно, программой *сознательныхъ дѣятелей*. Въ ней пролетарій является сначала объективнымъ наблюдателемъ, или мыслителемъ,. такъ сказать, со стороны, извнѣ наблюдающимъ весь ходъ общественнаго развитія, въ которомъ прошлая, настоящая и вытекающая отсюда будущая исторія его собственнаго класса является наиболѣе интереснымъ звеномъ въ общей причинной цѣли.

Это—теоретическая часть программы. Здѣсь все должно быть совершенно объективно, здѣсь нѣтъ мѣста пожеланіямъ, здѣсь должны быть лишь подчеркнуты тѣ явленія въ ходѣ общественнаго развитія, которыя характеризуютъ историческую роль пролетаріата; но и самъ пролетаріатъ и его партія выступаютъ здѣсь, какъ явленія наблюдаемыя.

Въ практической части программы вступаетъ въ свои права категорія свободы. Здѣсь пролетаріатъ выступаетъ, какъ дѣятель, какъ вершитель своей судьбы. Здѣсь онъ субъектъ, а не объектъ. Здѣсь выдвигаются его желанія, вытекающія изъ его классовыхъ интересовъ и потребностей, желанія, осмысленныя пониманіемъ хода общественнаго развитія и своей исторической роли.

Вотъ тѣ основы, изъ которыхъ, по моему мнѣнію, должны исходить составители научной марксистской программы партіи пролетаріата. Тогда программа будетъ цѣльной, стройной, ясной и научной.

Разсмотрѣніе существующихъ программъ показываетъ, что подобная программа находится еще въ процессѣ выработки. Большинство программъ соціалистическихъ партій различныхъ странъ и національностей страдаетъ отсутствіемъ стройности, что объясняется неясностью плана ихъ построеній.

Однимъ изъ самыхъ распространенныхъ «недоразумѣній» является представленіе, что соціалистическая или соціалдемократическая программа непремѣнно должна дѣлиться на программу maximum и на программу minimum, при чемъ программа maximum приравнивается къ теоретической части, а программа minimum къ практической. Отсюда проистекаетъ величайшая путаница понятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и путаница самой программы. Отношеніе между maximum'омъ и minimum'омъ программы, т. е. наибольшимъ и наименьшимъ, совершенно неоднородно съ отношеніемъ между теоретическими положеніями или принципами и практическими мѣрами или мѣропріятіями.

Отъ «максимально-минимальной» путаницы особенно пострадала программа итальянской соціалистической партіи, принятая на Римскомъ конгрессѣ въ сентябрѣ 1900 году. Ея программа minimum выработана совершенно отдѣльно отъ программы maximum и выпущена совершенно самостоятельно съ приложеніемъ туманнаго доклада «комиссіи», заключающаго въ себѣ попытку выяснить, что такое программа minimum.

«Соціалистическая программа minimum,—говоритъ этотъ докладъ,— «не есть собраніе всѣхъ различныхъ реформъ, предназначенныхъ для улучшенія жизни рода человѣческаго, изъ которыхъ каждая партія мо-

жетъ брать, что ей кажется хорошимъ; она не есть сантиментально-гумманитарная программа. Каждая изъ указанныхъ реформъ, взятая сама по себѣ можетъ не быть чисто соціалистической, наоборотъ, обыкновенно онѣ не соціалистичны, но согласованныя съ общей цѣлью, онѣ соединены общимъ соціалистическимъ духомъ и соціалистическимъ значеніемъ.

«...Соціалистическая программа minimum, — говорятъ далѣе докладчики, — не есть программа, которая можетъ быть проведена цѣликомъ, или большими группами реформъ въ болѣе или менѣе отдаленный періодъ до завоеванія государственной власти пролетаріатомъ, т. е. программа перехода отъ буржуазной эпохи къ соціалистической во время и при диктатурѣ пролетаріата, перехода условій и свойствъ котораго соціалистическая партія въ настоящее время не можетъ предвидѣть. Еще менѣе представляетъ она программу, которая непосредственно можетъ быть проведена въ жизнь, т. е. избирательную или парламентскую программу, программу максимальную для одного или болѣе законодательныхъ періодовъ. Съ общей точки зрѣнія она представляетъ матеріалъ для спеціально-агитаціонной программы, которая можетъ быть принята, сообразуясь съ временемъ и обстоятельствами.

«...Итальянская соціалистическая программа minimum въ общемъ отражаетъ тенденціи желаній, которыя итальянская соціалистическая партія можетъ формулировать и принять, сообразуясь съ конкретными проблемами, выдвигаемыми страной; въ такомъ видѣ она включаетъ въ себѣ, или должна была-бы включать всю дѣятельность, всю жизнь партіи, это есть *единственная* программа... То, что обыкновенно называется программой maximum есть предвидѣніе и способъ ориентироваться въ пониманіи вопроса, конечный пунктъ эволюціи. Истинная жизнь партіи заключается въ добровольномъ движеніи сознательной и постоянной дѣятельности. Программа же есть быстрое и преходящее выраженіе или теоретическая формулировка этой жизни. Это само собою служитъ отвѣтомъ тѣмъ, которые съ пессимистическими сомнѣніями спрашиваютъ себя: должна-ли существовать программа minimum, независимо отъ случайной и мѣстной агитаціонной программы? На это можно было бы кратко замѣ-

тить, *что она должна существовать*, *потому что существуетъ*, и вопросъ только въ ея формулировкѣ...

Наконецъ программа эта не ищетъ и не достигаетъ идеала краткости, не будучи урокомъ для дѣтей; она не стремится также стать трактатомъ съ параграфами, подобно римскому договору. Пробѣлы, неясности, ошибки, излишества, несоразмѣрности программы отражаютъ и разоблачаютъ неясность, колебаніе, теоретическіе пробѣлы, существующіе еще въ партіи,—если только докладчики правильно поняли свою задачу.»

Для уясненія того, что такое эта программа minimum, которая «должна существовать потому, что существуетъ», не достаточно, оказывается, длиннаго предисловія-доклада, изъ котораго мы привели существенныя мѣста. Сама программа начинается опять-таки длинными разсужденіями о томъ, что такое программа minimum?... Здѣсь она характеризуется, между прочимъ, по отношенію къ программѣ maximum, какъ средство къ цѣли. Но можно-ли цѣль называть maximum'омъ, т. е. наибольшимъ, а средство — minimum'омъ, т. е. наименьшимъ? Въ тоже время въ этомъ вступленіи указывается, что программа minimum не должна быть перечнемъ реформъ, а должна лишь указать общую идею преобразованій, «должна содержать все то, что служитъ для организаціи и экономическаго, политическаго и административнаго воспитанія пролетаріата, чтобы подготовить его—взять въ свои руки и поддерживать управленіе коллективистическимъ обществомъ; такимъ образомъ, — говорится въ заключеніе всѣхъ этихъ разсужденій, — мы указываемъ три вида соціальныхъ преобразованій, которые должны охватить всѣ реформы дѣйствительно органической или истинно соціалистической программы, такъ какъ эти реформы неразрывно связаны съ захватомъ государственной власти пролетаріатомъ съ цѣлью соціализаціи средствъ производства».

Это заключеніе трудно примирить съ приведенными разсужденіями въ предисловіи доклада о томъ, что «программа minimum не есть программа перехода отъ буржуазной эпохи къ соціалистической во время и при диктатурѣ пролетаріата».

Бѣда съ этой программой minimum!

Мнѣ невольно вспоминается, что на одномъ изъ

176949

моихъ рефератовъ одинъ изъ оппонентовъ, отлучая меня отъ соціалдемократіи, между прочимъ, за отсутствіе въ моемъ проектѣ дѣленія на maximum и minimum, буквально такъ опредѣлилъ что такое соціалдемократическая программа minimum: «программа minimum должна формулировать тѣ требованія, которыя не нарушаютъ существующаго строя». Чтобы показать абсурдность этой формулировки, я въ заключительномъ словѣ сказалъ: «программа, формулирующая тѣ требованія, которыя не нарушаютъ существующаго строя, эта программа не революціонной соціалдемократіи, а охраннаго отдѣленія». Эти слова вызвали страшное негодованіе минимальныхъ соціальдемократовъ съ ихъ максимальной нетерпимостью, и чьей-то недобросовѣстности я обязанъ дошедшимъ до меня слухамъ, будто бы я назвалъ «Искру» органомъ охраннаго отдѣленія. Само собой разумѣется, что мои слова никакого отношенія, ни къ «Искрѣ», ни къ ея программѣ не имѣли.

Возвращаясь къ итальянской программѣ, надо замѣтить, что ея составители, при всей сбивчивости, съ которой они пытаются опредѣлить неопредѣлимую программу minimum, прекрасно понимаютъ, что не можетъ быть такой соціалистической программы, которая не нарушала бы существующаго строя.

Преобразованія, внесенныя въ итальянскую программу minimum довольно произвольно раздѣлены на *три* отдѣла: 1) преобразованія политическія, 2) преобразованія экономическія, 3) преобразованія податной системы и административныя. При выставленіи реформъ всѣхъ этихъ трехъ категорій, составители, видимо, постоянно боялись, какъ-бы не перейти «minimum». Но это имъ не удавалось.

«Экспропріація необработанныхъ земель и передача ихъ для обработки рабочимъ ассоціаціямъ (§ 17), абсолютный нейтралитетъ государства въ конфликтахъ труда съ капиталомъ (§ 3), прекращеніе всякой колоніальной политики, основанной на военномъ завоеваніи» (§ 6) и т. д. — все это врядъ-ли осуществимо при существованіи буржуазнаго государства, а послѣ паденія его, за минимальную программу врядъ-ли будутъ стоять даже самые минимальные соціалдемократы.

Среди требованій итальянской программы много очень жизненныхъ и истинно пролетарскихъ, но общее построеніе ея таково, что невольно хочется сказать, что существованіе итальянской программы minimum съ ея предисловіями и введеніями дѣлаетъ «*обычное*» дѣленіе программы на maximum и minimum, совершенно невозможнымъ.

Названіе программы minimum формально встрѣчается еще въ программѣ соціалистической партіи Бразиліи, программѣ принятой въ 1901-мъ году на Саонаольскомъ конгрессѣ. И здѣсь опять таки этотъ «minimum» вноситъ въ построеніе программы путаницу. Программа разбита на двѣ самостоятельныя части. Одна названа: принципы партіи, другая—программа minimum, — сопоставленіе, какъ я уже указывалъ, совершенно невозможное. Въ «принципы» попадаютъ средства борьбы: пропаганда, агитація, образованіе союзовъ, давленіе труда на капиталъ съ цѣлью ограниченія рабочаго дня и т. д.; въ minimum абсолютный нейтралитетъ государства въ конфликтахъ между трудомъ и капиталомъ, референдумъ въ политическихъ и *экономическихъ* вопросахъ, на основѣ прямой иниціативы народа, прогрессивный налогъ на наслѣдства, съ цѣлью постепенной отмѣны наслѣдованія и т. д.

Неужели можно назвать «minimum», съ какой-бы точки врѣнія ни было хотя-бы постепенную отмѣну наслѣдованія, которое является одной изъ главныхъ основъ современнаго буржуазнаго строя?

Въ программѣ «англійской соціалдемократической федераціи», въ программѣ, пересмотрѣнной на Бирмингамскомъ конгрессѣ въ Августѣ 1901 г., программа minimum фигурируетъ подъ названіемъ «*паліативныя средства*», которыя «должны служитъ для облегченія бѣдствій нашего существующаго общества». Эти паліативныя средства раздѣлены на національныя и на мануципальныя.

Надъ этими паліативными средствами возвышается *программа* въ собственномъ значеніи слова, въ которую входитъ требованіе всеобщей подачи голосовъ, референдумъ, уничтоженіе постоянныхъ армій, обязательное свѣтское и даровое обученіе, учрежденіе международныхъ третейскихъ судовъ и наконецъ два чисто

соціалистическихъ требованія: объявленіе средствъ производства, распредѣленія и обмѣна коллективной или общественной собственностью и «регулированіе обществомъ въ общихъ интересахъ всѣхъ его членовъ производства и распредѣленія богатства».

Надъ этой программой въ собственномъ значеніи слова высится *цѣль*, которая опредѣляется какъ «соціализація средствъ производства, распредѣленія и обмѣна, которые должны контролироваться демократическимъ государствомъ въ интересахъ всего общества; полная эмансипація труда отъ господства капитализма и ландлордизма и установленіе соціальнаго и экономическаго равенства обоихъ половъ».

Таково построеніе программы «англійской соціалдемократической федераціи». Его ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать удачнымъ. Научное теоретическое основаніе совершенно отсутствуетъ. Раздѣленіе на цѣль программы и паліативныя средства въ высшей степени произвольно. Цѣль почти буквально повторяется въ § 6 и § 7 программы, а первое паліативное національное средство (всеобщее даровое обученіе) повторяетъ въ болѣе широкой формулировкѣ § 4 программы въ собственномъ значеніи слова, программы во всякомъ случаѣ не паліативной, а максимальной.

Сходное построеніе находимъ мы и у «англійской независимой рабочей партіи». Здѣсь надъ «*программой*» возвышаются средства, и все вѣнчается, какъ у «соціалдемократической федераціи», *цѣлью*. Научное обоснованіе отсутствуетъ. *Цѣль* формулирована кратко и опредѣленно: «промышленная республика, основанная на соціализаціи земли и капитала». Первымъ средствомъ выставлено воспитаніе общества въ принципахъ соціализма. «Программа», указавъ, что истинная цѣль промышленности заключается въ производствѣ жизненныхъ средствъ необходимости, заявляетъ, что въ виду этого земля должна быть объявлена общественною собственностью, капиталъ долженъ быть предметомъ коллективнаго владѣнія и потребленія, трудъ и результатъ его —богатство— должны быть справедливо распредѣлены между всѣмъ населеніемъ, и затѣмъ, для достиженія этой цѣли, требуется принятіе ряда мѣръ, между прочимъ предоставленія работы всѣмъ способнымъ къ труду взрослымъ, ищущимъ ее, по установ-

ленной тредъ-юніонами платѣ съ опредѣленнымъ minimum въ 6 пенсовъ въ часъ.

И это построеніе нельзя, конечно, назвать удачнымъ.

Изъ соціалистическихъ программъ Сѣвероамериканскихъ Штатовъ намъ извѣстны программа «соціалистической рабочей партіи Соединенныхъ Штатовъ» и «національная программа» «соціалистической американской партіи».

Обѣ эти программы носятъ характеръ манифестовъ. Программа «соціалистической рабочей партіи» С. А. Штатовъ, кидая современному обществу обвиненіе въ томъ, что оно попираетъ неотъемлемое право всѣхъ на жизнь, свободу и стремленіе къ счастію, призываетъ всѣхъ наемныхъ рабочихъ Соединенныхъ Штатовъ и всѣхъ другихъ честныхъ гражданъ организоваться подъ знаменемъ соціалистической рабочей партіи въ общество, сознающее свои классовые интересы, знающее свои права и готовое завоевать ихъ, захвативъ власть, чтобы объединенные непобѣдимымъ духомъ солидарности при наиболѣе тяжелыхъ условіяхъ современной классовой борьбы, мы могли положить конецъ этой варварской борьбѣ уничтоженіемъ классовъ, возвращеніемъ земли и всѣхъ средствъ производства, перевозки и распредѣленія народу, какъ коллективному цѣлому и замѣной современнаго анархическаго производства промышленной войны и соціальной неурядицы кооперативной республикой, въ которой каждый рабочій будетъ свободно развивать и вполнѣ пользоваться своими способностями, увеличенными современными факторами цивилизаціи.

Практической части въ этой «программѣ» нѣтъ.

Какъ манифестъ ее нужно признать довольно удачной, но еще удачнѣе «національная программа» «соціалистической партіи». Въ ней указанъ рядъ практическихъ средствъ, какъ ступеней къ уничтоженію капитализма и къ введенію кооперативной республики, мѣръ дѣйствительныхъ, а не паліативныхъ, какъ напримѣръ, требованіе общественной собственности на всѣ средства перевозки и сообщенія, а также на всѣ индустріи, находящіяся въ веденіи трестовъ, монополій и союзовъ. Практическимъ средствамъ предпослано теоретическое обоснованіе, единственнымъ не-

достаткомъ котораго является то, что оно носитъ характеръ манифеста, въ которомъ указаніе на объективный ходъ экономическаго развитія смѣшано съ субъективными заявленіями и призывами. Во всякомъ случаѣ этотъ манифестъ можетъ сослужить въ дѣлѣ пропаганды и агитаціи гораздо лучшую службу, чѣмъ максимально-минимальныя программы. Классовой характеръ борьбы рабочаго класса не смягченъ въ этомъ манифестѣ заявленіемъ о совмѣстной борьбѣ съ буржуазіей, «насколько буржуазія выступаетъ революціонной», какъ это сдѣлано въ коммунистическомъ манифестѣ.

«Рабочій классъ — говоритъ программа соціалистической американской рабочей партіи, — является той активной силой, которая осуществитъ этотъ новый и высшій строй общества; всѣ другіе классы вопреки ихъ кажущимся или дѣйствительнымъ столкновеніямъ одинаково заинтересованы въ поддержаніи частной собственности на орудія производства богатства. Демократы, республиканцы и всѣ другія партіи, не стоящія за полное уничтоженіе капиталистической системы производства, *одинаково* являются представителями класса капиталистовъ. Рабочіе могутъ съ большимъ успѣхомъ дѣйствовать какъ классъ въ своей борьбѣ противъ общихъ силъ капитализма, организовавшись въ политическую партію, отдѣльную и противоположную *всѣмъ* партіямъ имущихъ классовъ».

Совершенно иначе, чѣмъ эти американскіе программы-манифесты, построена программа «Бельгійской рабочей партіи», принятая на Брюссельскомъ конгрессѣ 1893 года. Ея практическая часть разработана подробнѣе и лучше. чѣмъ въ какой-нибудь изъ указанныхъ раньше программъ. Общее построеніе не лишено стройности и гармоніи.

Во главѣ стоитъ «*декларація принциповъ*», разбитая на семь основныхъ положеній и три заявленія. За «декларацій» сдѣдуетъ: I. *политическая программа*, содержащая въ себѣ 11 требованій, изъ которыхъ большинство содержитъ по нѣсколько детальныхъ пунктовъ, затѣмъ: II. *экономическая программа* съ тремя отдѣлами: A. *Общія мѣры* B. *Мѣропріятія, касающіяся промышленныхъ рабочихъ*, C. *Мѣропріятія, касающіяся сельскохозяйст-*

венныхъ рабочихъ. Каждый изъ этихъ отдѣловъ раздѣляется на рядъ подотдѣловъ, а тѣ въ свою очередь на детальные пункты; за экономической программой слѣдуетъ III *коммунальная* или общинная, распадающаяся на отдѣльныя требованія съ детальными пунктами.

Это, кажется, самая обширная изъ всѣхъ существующихъ практическихъ программъ, и она, навѣрное служитъ хорошую службу бельгійскимъ товарищамъ въ ихъ пропагандѣ и агитаціи.

Минимальные соціалдемократы разныхъ толковъ много издѣвались надъ детальностью проекта программы «Жизни». Несравненно больше издѣвательствъ должна была бы вызвать программа Бельгійской рабочей партіи, такъ какъ она несравненно детальнѣе. Особенно «смѣшило» выставленное «Жизнью» требованіе демократизаціи желѣзныхъ дорогъ и театровъ введеніемъ одинаковой платы, а слѣдовательно и одинаковыхъ удобствъ для всѣхъ пассажировъ и зрителей. На экземплярѣ проекта программы «Жизни», вывѣшенномъ въ Женевской библіотекѣ какой-то «писака острыхъ фразъ», желая, видимо, убить проектъ послѣ словъ: «установленіе единой платы въ театрахъ и въ другихъ мѣстахъ общественныхъ развлеченій» прибавилъ карандашемъ «*и баняхъ*».

И часто намъ приходилось потомъ слышать насмѣшливыя замѣчанія, что «Жизнь» ввела въ свою программу даже «бани».

Бельгійскіе рабочіе не такъ смѣшливы, какъ минимальные русскіе соціалдемократы. Никому изъ нихъ и въ голову не приходитъ смѣяться надъ своей партійной программой, гдѣ, между прочимъ, выставлено требованіе «*учрежденія даровыхъ общественныхъ бань и прачешныхъ*.»

«Насмѣшники», навѣрное, этого не знали, какъ не знали того, что о «баняхъ и прачешныхъ» заботится не только програма Бельгійской рабочей партіи, но и одна изъ резолюцій Лондонскаго Международнаго соціалистическаго конгресса 1900 года.

«Надъ тѣмъ, что кажется смѣшно, смѣяться, право не грѣшно», но часто... глупо!

Разумѣется, не въ этихъ мелочахъ сущность требованій Бельгійской программы. Сущность ихъ въ

рядѣ требованій, расчищающихъ путь соціалистическому обществу, каковы: экспропріація во имя общественной пользы каменоугольныхъ копей, каменоломней и подпочвы вообще, а также наиболѣе крупныхъ средствъ производства и передвиженія, націонализаціи лѣсовъ, постепенный переходъ къ государству и общинамъ всѣхъ земель и т. п.

Эти требованія стоятъ въ *практической* части программы, которая, по мнѣнію минимальныхъ соціалдемократовъ, можетъ быть лишь «программою — minimum». Какъ это швейцарско-россійскіе соціалдемократы не догадались до сихъ поръ отлучить бельгійскую рабочую партію отъ соціалдемократіи!?

Вѣдь дерзкіе бельгійцы называютъ свой партійный органъ «Le peuple» «органомъ соціальной демократіи».

Признавая не мало достоинства за бельгійскою программою, ставя ее выше итальянской, бразильской и англійскихъ, я не хочу сказать, чтобы она была идеальной. Далеко нѣтъ. Самымъ существеннымъ ея недостаткомъ является то, что «теоретическая часть» (декларація принциповъ) исходитъ не изъ *необходимости* побѣды пролетаріата и установленія соціалистическаго строя, необходимости, обусловленной самимъ ходомъ общеественнаго развитія, а изъ долженствованія, обусловленнаго справедливостью. Въ бельгійской «деклараціи» выдвинута на первый планъ скорѣе вѣра, чѣмъ знаніе.

Плехановъ въ своей статьѣ, поясняющей искровскій проектъ, характеризуетъ соціалдемократическую программу какъ «Вѣрую». Сравненіе очень неудачное. Соціалдемократическая программа не «*Вѣрую*», а «*Знаю*», *не «Символъ вѣры»*, а «*Символъ знанія*».

Другое дѣло программы буржуазныя и феодальныя. Программа напр., консервативной помѣщичьей партіи можетъ быть только «*Вѣрую*».

И дѣйствительно, программа нѣмецкихъ юнкеровъ содержитъ, хотя бы такое положеніе: «Государство и церковь—Богомъ указанныя учрежденія; ихъ взаимодѣйствіе — необходимое условіе оздоровленія нашей народной жизни». *).

*) Образцовое буржуазное «*Вѣрую*» можно найти въ превосходномъ памфлетѣ П. Лафарга «Религія капитала», переводъ котораго можно найти въ «Библіотекѣ Русскаго Пролетарія».

Это — «Вѣрую»; но повторяю идеалъ соціалдемократической программы — быть, какъ можно дальше отъ «Вѣрую» и, какъ можно, ближе къ «Знаю».

Если «декларація принциповъ» бельгійской рабочей партіи страдаетъ приближеніемъ къ «*Вѣрую*», то декларація принциповъ «французской соціалистической партіи» страдаетъ чрезмѣрною обстоятельностью, что дѣлаетъ ее похожей на программный комментарій.

Съ этой оговоркой программу «французской соціалистической партіи», написанную Жаномъ Жоресомъ и принятую на Турскомъ конгрессѣ въ мартѣ 1902 г., слѣдуетъ признать во всѣхъ отношеніяхъ одной изъ самыхъ изящныхъ.

Программа начинается обстоятельной характеристикой соціалистическаго движенія въ рамкахъ демократическаго государства, выясняется «нетерпимое противорѣчіе между политическимъ строемъ, явившемся послѣдствіемъ революціоннаго движенія» и осуществляющимъ демократію и строемъ экономическимъ, въ которомъ «владѣетъ, руководитъ, эксплуатируетъ и управляетъ олигархія капитала». Пролетаріатъ самымъ ходомъ общественнаго развитія выдвигается, какъ борецъ, которому суждено устранить это противорѣчіе полнымъ преобразованіемъ общества. Декларація подробно разбираетъ и средства борьбы, останавливаясь и на всеобщей стачкѣ, «идея которой непреодолимо внушается растущими размѣрами рабочей организаціи».

Въ заключеніе кратко формулируется цѣль дѣятельности партіи: международное объединеніе рабочихъ, завоеваніе власти, соціализація средствъ производства и обращенія.

За декларацією или «программой принциповъ» слѣдуетъ практическая программа, «программа реформъ».

Она распадается на десять отдѣловъ (демократизація политической власти, полная свѣтскость государства, демократическая и гуманная организація судопроизводства; устройство семьи согласно съ правами личности; развитіе дѣятельности государства и общины въ смыслѣ увеличенія ихъ собственности и расширенія ихъ промышленныхъ и сельскохозяйственныхъ учрежденій» и т. д.). Каждый отдѣлъ заключаетъ

рядъ пунктовъ съ точно формулированными требованіями, напр. «національзація желѣзныхъ дорогъ, шахтъ, французскаго банка, страховыхъ обществъ, сахарныхъ и водочныхъ заводовъ и т. д.»

Разобранныя до сихъ поръ программы врядъ-ли сколько-нибудь вліяли на программы и программныя заявленія русскихъ соціалдемократовъ. Большинству русскихъ товарищей онѣ, вѣроятно, даже неизвѣстны. Русскія программы вырабатывались, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ программъ нѣмецкихъ и отчасти программы «французской рабочей партіи», въ составленіи которой, кромѣ Геда и Лафарга, принималъ участіе и Карлъ Марксъ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этихъ программъ, сдѣлаемъ небольшую историческую справку.

Нѣмецкая соціалдемократическая партія образовалась среди самой жгучей вражды между ея вожаками.

Преемникомъ Лассаля въ роли президента «Всеобщаго нѣмецкаго рабочаго союза» сдѣлался, какъ извѣстно Швейцеръ, человѣкъ съ большими организаторскими способностями, но и съ большими диктаторскими наклонностями.

За Швейцеромъ сначала стояло большинство организованныхъ нѣмецкихъ рабочихъ—«лассальянцевъ». Только очень незначительная часть примкнула къ графинѣ Хайцфельдъ, которая тоже предъявляла права на лассалевскую диктатуру. Несравненно значительнѣе была та часть пролетаріевъ, которая сгруппировалась вокругъ Бебеля и Либкнехта, объявившихъ безпощадную войну Швейцеру и вообще «лассальянцамъ».

Въ концѣ концовъ «соціалдемократы» распались на два враждебныхъ лагеря: на «Всеобщій нѣмецкій союзъ» съ Швейцеромъ и Тельке во главѣ и на «Саксонскую народную партію» съ Бебелемъ и Либкнехтомъ.

Органомъ Швейцера былъ «Соціалдемократъ», выступавшій, какъ органъ нѣмецкой соціалдемократической рабочей партіи, органомъ Бебеля и Либкнехта — «Демократическая недѣля». Между этими газетами, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велась ожесточенная полемика. Особенно рѣзки и съ безпристра-

стной точки зрѣнія обыкновенно несправедливы были нападки Либкнехта и Бебеля, обвинявшихъ Швейцера въ продажности, низости, нравственной испорченности и т. д. Постепенно вліяніе Швейцера начало ослабѣвать, но не вслѣдствіе нападокъ Бебеля и Либкнехта, а вслѣдствіе его собственныхъ диктаторскихъ наклонностей. Чѣмъ больше развивается классовое сознаніе пролетаріата, чѣмъ меньше способенъ онъ выносить надъ собою какую-бы то не было диктатуру, въ томъ числѣ диктатуру ради его собственной пользы, диктатуру, къ которой какъ то инстинктивно стремятся многіе интеллигенты-вожаки. «Въ томъ-то и проклятіе диктатуры, — говоритъ по поводу Швейцера извѣстный историкъ нѣмецкой соціалдемократіи Мерингъ, — что диктаторъ никогда не можетъ сообразить, когда его диктатура начинаетъ становиться излишней».

«Въ томъ-то и проклятіе диктатуры,—сказалъ-бы я, — что она всегда излишня».

Но, возставая противъ швейцеровской диктатуры, нѣмецкій пролетаріатъ бросалъ свое могучее quos ego его противникамъ, переходившимъ въ своихъ обвиненіяхъ всякія границы. Надо замѣтить, что Бебель и Либкнехтъ выработались въ настоящихъ соціалдемократическихъ вождей, потому что умѣли прислушиваться къ голосу пролетаріата, умѣли видѣть въ немъ своего учителя. Не Бебель и Либкнехтъ воспитали рабочій классъ, а рабочій классъ воспиталъ Бебеля и Либкнехта. Швейцеръ долженъ былъ сойти съ политической арены не потому, чтобы онъ прислуживался передъ Бисмаркомъ, какъ несправедливо говорили про него противники, а потому, что на немъ была печать диктаторскаго проклятія.

Первое крупное сраженіе между обѣими партіями произошло на Эйзенахскомъ конгрессѣ 1869 г. Послѣ бурныхъ сценъ, вызванныхъ провѣркою полномочій, лассальянцы удалились съ конгресса, гдѣ остались преимущественно сторонники Бебеля и Либкнехта, получившіе съ тѣхъ поръ названіе «эйзенахцевъ».

Эйзенахцы выработали на конгрессѣ программу соціалдемократической рабочей партіи, про которую Телке говорилъ, что она въ сущности программа лассалевская. Съ Телке согласенъ и Мерингъ, при-

бавляющій, что въ программѣ нѣтъ ничего, чего-бы не защищалъ «Соціалдемократъ», но революціонный смыслъ лассалевскихъ производительныхъ ассоціацій съ государственнымъ кредитомъ въ ней затушеванъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что въ первый періодъ общественно-политической дѣятельности у Либкнехта и Бебеля была несомнѣнная склонность къ компромиссамъ съ буржуазнымъ либерализмомъ и недостаточная отчетливость пролетарско-классовой точки зрѣнія.

Эйзенахская программа, эта старомодная бабушка программы Эрфуртской, распадается на двѣ части, впереди идутъ «ближайшія требованія въ агитаціи соціалдемократической рабочей партіи»; онѣ начинаются требованіемъ всеобщей подачи голосовъ и кончаются «государственной поддержкой системы товариществъ и государственнымъ кредитомъ для производительныхъ ассоціацій съ демократическими гарантіями».

Ни соціализма, ни коммунизма въ этихъ ближайшихъ требованіяхъ не было ни капли. Подъ ними могъ бы подписаться любой демократъ, готовый заставить пролетаріевъ пролить свою кровь за охрану священной собственности.

За ближайшими требованіями слѣдуютъ основныя положенія, защищать которыя каждый членъ соціалдемократической рабочей партіи «обязуется всѣми силами». Положенія эти составлены скорѣе по схемѣ «вѣрую», чѣмъ по схемѣ «знаю». Первое положеніе гласитъ: «Современныя политическія и соціальныя условія въ высшей степени несправедливы и потому противъ нихъ нужно бороться съ величайшей энергіей». Второе положеніе указываетъ, что «борьба за освобожденіе рабочаго класса не является борьбой за классовыя привиллегіи и особыя права, но за *равныя права и равныя обязанности и за уничтоженіе всякаго классового господства*».

Непримиримость интереса пролетаріата и буржуазіи затушована здѣсь демократическимъ принципомъ «равныхъ правъ и равныхъ обязанностей» въ будущемъ.

Третій пунктъ говоритъ о стремленіи соціалдемократической партіи къ замѣнѣ современнаго способа

производства товарищескимъ трудомъ, гарантирующимъ каждому рабочему полный продуктъ труда.

Здѣсь очень осторожно обойденъ вопросъ объ экспропріаціи экспропріаторовъ, объ уничтоженіи частной собственности, къ чему, какъ говорилъ коммунистическій манифестъ, сводится все ученіе коммунистовъ. Эта осторожность отразилась на множествѣ популярныхъ соціалдемократическихъ брошюръ, гдѣ на первый планъ выдвигается, что соціалдемократы отнюдь не хотятъ уничтожать собственность, а лишь постепенно, въ будущемъ измѣнить ея характеръ. Надо надѣяться, что пролетаріатъ скоро заставитъ вожаковъ отбросить эту осторожность и вернуться къ коммунистической формулѣ уничтоженія частной собственности.

Четвертое положеніе объявляетъ «политическую свободу неизбѣжнымъ предварительнымъ условіемъ къ экономическому освобожденію рабочаго класса. Соціальный вопросъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не отдѣлимъ отъ политическаго, его разрѣшеніе обусловленно этимъ послѣднимъ и возможно только въ демократическомъ государствѣ.»

Пятое положеніе превозглашаетъ «единство организаціи соціалдемократической рабочей партіи».

Шестое положеніе заявляетъ, что «соціалдемократическая рабочая партія считаетъ себя вѣтвью интернаціональной рабочей ассоціаціи, насколько это позволяютъ законы о союзахъ».

Программа показала, что принципіальныхъ различій между лассальянцами и эйзенахцами не существуетъ, но диктаторскія склонности отдѣльныхъ лицъ и «человѣческое, слишкомъ человѣческое», т. е, тщеславіе, придирчивость, взвинченное самолюбіе и т. д., отъ которыхъ рѣдко свободны политическіе дѣятели, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мѣшало объединенію обоихъ фракцій, пока наконецъ выросшее классовое сознаніе пролетаріата не отодвинуло все это на задній планъ и не потребовало единой партіи для единаго класса. Объединеніе произошло на Готскомъ конгрессѣ въ маѣ 1875 года, гдѣ 127 представителей *всѣхъ* соціалдемократовъ Германіи единогласно приняли новую, такъ называемую «Готскую программу».

Примиренію обѣихъ фракцій не могло помѣшать

даже письмо Маркса, присланное изъ Лондона 5 мая 1875 г. представителямъ эйзенахцевъ: Браке, Гейбу, Ауеру, Бебелю и Либкнехту. Въ этомъ письмѣ Марксъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ проектъ готской программы, на которомъ сошлась предварительная конференція изъ лассальянцевъ и эйзенахцевъ. Марксъ нападаетъ на эйзенахцевъ за ихъ уступки лассальянцамъ, которыхъ по его мнѣнію нужно было заставить просто подчиниться. не торгуя своими принципами. Въ этомъ письмѣ содержится и знаменитая, часто цитируемая фраза, что «каждый шагъ практическаго движенія важнѣе дюжины программъ».

Вожакамъ эйзенахцевъ приходилось выбирать между Марксомъ и пролетаріатомъ. Они выбрали пролетаріатъ, и въ этомъ ихъ огромная заслуга. Они не опубликовали рѣзкаго письма Маркса и, по требованію рабочаго класса, дружески пожали искренно протянутую имъ руку своихъ противниковъ. Касаясь этого эпизода, Либкнехтъ въ своей рѣчи на Эрфуртскомъ партейтагѣ 1891 г. сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Положеніе дѣлъ во время этого письма было таково. Обѣ фракціи соціалдемократовъ эйзенахцы и лассальянцы, многіе годы вели между собою борьбу. Сначала думали, конечно, что цѣли различны, что между нами стоятъ вопросы. раздѣляющіе насъ принципіально, но въ теченіе самой борьбы пришли къ убѣжденію, что для *массы членовъ обѣихъ фракцій* такихъ вопросовъ не существуетъ, что, если боевыя слова звучатъ различно, то цѣль, требованія, стремленія на обѣихъ сторонахъ все же совершенно одинаковы. Такъ постепенно на обѣихъ сторонахъ пробило дорогу убѣжденіе, что необходимо два раздѣленныхъ потока соединить въ одинъ. Вмѣсто того, чтобы растрачивать силы въ этой *братоубійственной борьбѣ*, онѣ должны быть соединены и направлены противъ общаго врага. Это сказалъ себѣ каждый и эта мысль выступила съ такою *элементарною силой*, что на обѣихъ сторонахъ *вожди не могли болѣе воспрепятствовать объединенію рядовыхъ, еслибъ они даже были противъ этого.* Нѣсколько дней тому назадъ здѣсь говорилъ нашъ самый старый товарищъ, старшина партіи, нашъ Телке: онъ вспомнилъ старое время борьбы, я хочу ему напомнить болѣе пріятное

событіе. Въ одно прекрасное утро, вскорѣ послѣ выхода изъ тюремнаго заключенія въ Губертсбургской крѣпости, сидѣлъ я въ Лейпцигѣ въ редакціонной комнатѣ. Вдругъ входитъ человѣкъ, который мнѣ показался не совсѣмъ незнакомымъ, но о которомъ я не тотчасъ могъ сказать, кто онъ былъ. Я продолжалъ работать. Тогда мнѣ сообщили: Телке здѣсь и желаетъ съ вами говорить. Я тотчасъ поднялся, Телке подошелъ ко мнѣ и протянулъ мнѣ руку, которую я тотчасъ сжалъ въ своей; для этого не требовалось предварительнаго заключенія мира. Мы отправились въ сосѣднюю комнату. «*Мы должны жить въ мирѣ*», *сказалъ Телке, и я отвѣтилъ ему:* «*да, мы должны жить въ мирѣ*» (Оживленное одобреніе со стороны всѣхъ членовъ эрфуртскаго партейтага). Съ этого момента миръ для меня былъ заключенъ и, когда около того-же времени были сдѣланы подобные-же шаги на сѣверѣ, въ Гамбургѣ, Альтонѣ и въ другихъ мѣстахъ, тогда для всѣхъ моихъ друзей въ Германіи стало несомнѣннымъ: теперь мы должны, во что бы то ни стало, объединиться. Нѣкоторыя горячія головы съ той и другой стороны старались задерживать дѣло мира, но объединеніе *должно* было быть, оно было необходимо въ интересѣ партіи. Мы сошлись для переговоровъ, чтобы согласиться относительно объединительной программы. Съ той и другой стороны были сдѣланы уступки, и наконецъ послѣ долгихъ, долгихъ обсужденій мы объединились на извѣстномъ вамъ проектѣ, который почти безъ измѣненій былъ принятъ готскимъ объединительнымъ конгрессомъ. Когда Марксъ узналъ о проектѣ, онъ написалъ свое письмо, предназначенное для нѣкоторыхъ изъ насъ, эйзенахцевъ. Мы внимательно прочли письмо. Я долго прожилъ съ Марксомъ въ боевомъ товариществѣ, я его ученикъ, пившій вмѣстѣ съ нимъ въ Лондонѣ изъ кубка изгнанія. Я, всегда гордый тѣмъ, что могу назвать себя его·ученикомъ и другомъ, я былъ поставленъ передъ вопросомъ, въ интересѣ ли партіи, если мы теперь поступимъ такъ, какъ хочетъ Марксъ? То, что онъ говорилъ теоретически противъ этого проекта, было правильно до послѣдней буквы, такъ думалъ я тогда, такъ думаю и теперь. Но теорія и практика — двѣ различныя вещи. Въ теоріи я безусловно довѣрялъ сужденію Маркса, въ

практикѣ я шелъ своимъ собственнымъ путемъ. Я спросилъ себя: возможно-ли программу, такую, какъ ее здѣсь требовалъ Марксъ, провести теперь? Послѣ зрѣлаго размышленія я пришелъ къ убѣжденію, что это невозможно и, подъ опасностью разойтись на нѣкоторое время съ Марксомъ, —что и произошло, хотя не надолго,—я заявилъ: это не идетъ; высоко стоитъ для меня Марксъ, но выше стоитъ для меня партія. (*браво*).

Готская программа распадается на три части: Первая заключаетъ четыре основныхъ положенія.

1) Трудъ источникъ всякаго богатства и всей культуры, и такъ какъ всеобще—полезный трудъ возможенъ только при посредствѣ общества, то обществу, т. е. всѣмъ его членамъ, принадлежитъ общій продуктъ труда, при общей обязанности работать на основаніи равнаго права каждому по его разумнымъ потребностямъ.

2) Въ современномъ обществѣ средства труда являются монополіей класса капиталистовъ; обусловленная этимъ зависимость рабочаго класса причина нищеты и рабства во всѣхъ формахъ.

3) Освобожденіе труда требуетъ превращенія средствъ труда въ общее владѣніе общества и общественнаго регулированія общей работы съ обще-полезнымъ употребленіемъ и правильнымъ распредѣленіемъ продукта труда.

4) Освобожденіе труда должно быть дѣломъ рабочаго класса, по отношенію къ которому всѣ остальные классы представляютъ лишь реакціонную массу.

Здѣсь опять таки нѣтъ объективной точки зрѣнія на ходъ общественнаго развитія, но какъ выводы изъ этого хода развитія, «положенія» Готской программы являются огромнымъ шагомъ впередъ, сравнительно съ положеніями программы Эйзенахской. Марксъ въ своемъ письмѣ критиковалъ нѣкоторыя изъ этихъ положеній, въ томъ числѣ и послѣднее о реакціонной массѣ. Но мнѣ кажется исторія ежедневно доказываетъ его справедливость, т. е. въ данномъ случаѣ не справедливость Маркса, а справедливость лассалевскаго утвержденія, что «всѣ остальные классы по отношенію къ классу пролетаріата, представляютъ лишь реакціонную массу.»

Вторая часть программы перечисляетъ основныя требованія соціалистической рабочей партіи Германіи. Партія всѣми законными средствами стремится къ свободному государству и соціалистическому обществу, стремится разбить желѣзный законъ заработной платы, посредствомъ уничтоженія системы наемнаго труда, уничтожить эксплуатацію всякаго вида, устранить всякое соціальное и политическое неравенство.

Затѣмъ идетъ заявленіе о международномъ характерѣ рабочаго движенія и вытекающихъ отсюда обязанностяхъ для партіи. За этимъ заявленіемъ выступаетъ требованіе учрежденія соціалистическихъ производительныхъ товариществъ съ государственной помощью, и въ концѣ концовъ перечисляются основы свободнаго государства, т. е. всеобщая подача голосовъ и другія демократическія требованія, которыя почти въ томъ же видѣ заключала Эйзенахская программа и которыя въ немного измѣнномъ видѣ перешли въ программу Эрфуртскую.

Третья часть выставляла требованія въ предѣлахъ современнаго общества. Здѣсь, кромѣ требованія неограниченной коалиціонной свободы и рабочаго законодательства, мы встрѣчаемъ «возможно большее расширеніе политическихъ правъ и свободъ въ смыслѣ выше приведенныхъ требованій (во второй части программы) и единаго прогресивнаго подоходнаго налога въ государствѣ и общинѣ, вмѣсто всѣхъ существующихъ, особенно отягощающихъ народъ, косвенныхъ налоговъ».

Готская программа заключаетъ въ себѣ такимъ образомъ принципіальную часть, затѣмъ рядъ требованій, въ корнѣ измѣняющихъ политическій и общественный строй и затѣмъ рядъ желательныхъ мѣропріятій въ предѣлахъ современнаго общества до кореннаго переворота. Здѣсь есть слѣдовательно, если хотите, программа maximum (вторая часть) и программа minimum (третья часть). Но соотношеніе между ними не противорѣчитъ логикѣ, такъ какъ программа maximum и программа minimum, обѣ являются практическими требованіями, слѣдовательно двумя величинами соразмѣримыми. Такое дѣленіе имѣетъ смыслъ. Но распредѣленіе требованій сдѣлано довольно случайно, и въ особенности вторая часть построена недостаточно послѣдовательно. Особенно ее портило указаніе на «за-

конныя средства». Исключительный законъ, вскорѣ послѣ Готскаго партейтага свалившійся на объединенную партію, заставилъ нѣмецкихъ соціалдемократовъ поспѣшить вычеркнуть эту нелѣпую законность, что и было сдѣлано на Виденскомъ конгрессѣ въ 1880 году.

Двѣнадцать лѣтъ съ 1878-го по 1890 годъ партія мужала и крѣпла, благодаря незаконной дѣятельности, къ которой ее вынудилъ исключительный законъ. Наконецъ законъ палъ вмѣстѣ со своимъ вдохновителемъ Бисмаркомъ. Передъ испуганной буржуазіей стояла могучая партія съ ея крѣпкой организаціей, съ ея вожаками, воспитанными и дисциплинированными самой массой, съ ея почти $1^1/_2$ милліонами избирателей.

Первою мыслью пролетаріата, освободившагося отъ исключительныхъ цѣпей, была мысль о пересмотрѣ партійной программы.

Новая программа была принята на Эрфуртскомъ партейтагѣ 1891 г. Партейтагу были представлены четыре проекта и цѣлый рядъ «поправокъ», исходившихъ какъ отъ различныхъ партійныхъ группъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ. «Поправки» имѣли въ виду, конечно, такъ сказать, оффиціальный проектъ, исходившій отъ партійнаго правленія (Parteivorstand), но комиссія, выбранная партейтагомъ для обсужденія проектовъ и поправокъ, приняла не проектъ партійнаго правленія, а проектъ, выработанный редакціей «Die Neue Zeit», другими словами—Карла Каутскаго. Между этими двумя проектами нѣтъ существенной разницы, но формулировка Каутскаго несомнѣнно точнѣе и вообще удачнѣе. Изъ двухъ остальныхъ проектовъ одинъ принадлежалъ И. Штерну, другой «молодымъ»: Ауербаху, Камфмейеру и Луксу. Проектъ Штерна наименѣе удаченъ, но въ проектѣ «молодыхъ» есть нѣсколько удачныхъ штриховъ, напр., указаніе на то, что «капиталистъ превращается въ простого собирателя прибылей».

Обсужденія программы въ общемъ засѣданіи партейтага совсѣмъ не было, такъ какъ почти все время ушло на выясненіе обвиненій личнаго характера, выдвинутыхъ «молодыми» противъ видныхъ вождей партіи, каковы Зингеръ, Ауеръ и Бебель. Послѣ пятидневныхъ «личныхъ» преній, оппозиція была уничтожена. Партейтагъ могъ, наконецъ, заняться настоя-

щимъ дѣломъ. Докладчикъ комиссіи В. Либкнехтъ произнесъ блестящую рѣчь въ защиту нѣсколько видоизмѣненнаго проекта Каутскаго, и этотъ проектъ былъ безъ преній единогласно принятъ партейтагомъ.

Эрфуртская программа въ смыслѣ научности представляетъ огромный шагъ впередъ сравнительно съ программой Готской. Построеніе ея отличается единствомъ и послѣдовательностью. Искусственныхъ подраздѣленій нѣтъ, но программа естественно распадается на принципіальную или теоретическую часть и практическія требованія, соединенныя въ двѣ группы.

Принципіальная часть въ объективной формѣ указываетъ путь экономическаго развитія буржуазнаго общества, развитія, которое съ естественной необходимостью ведетъ къ превращенію товарнаго производства въ соціалистическое и къ освобожденію пролетаріатомъ всего человѣчества отъ угнетенія.

Объективная точка зрѣнія выдержана достаточно строго. Партія *почти* все время смотритъ на себя самое со стороны. Впрочемъ отношеніе между рабочимъ классомъ и соціалдемократической партіей формулировано неудачно.

«Этой борьбѣ рабочаго класса дать сознательную единую форму и указать ему естественно необходимую цѣль, такова задача соціалдемократической партіи», говоритъ Эрфуртская программа. Здѣсь соціалдемократическая партія противопоставляется рабочему классу, а не выводится изъ него, какъ его естественное порожденіе.

Практическія требованія распадаются на общедемократическія и требованія спеціально для охраны рабочаго класса (національное и международное законодательство, коалиціонная свобода и т. д.).

Такое выдѣленіе чисто рабочихъ требованій очень удобно въ цѣляхъ пропаганды и агитаціи.

Обще-демократическія требованія формулированы удачно, но онѣ все-же остаются демократическими, а не соціалдемократическими. Здѣсь нѣтъ и намека на тѣ мѣры, которыя составляютъ практическую часть Коммунистическаго манифеста. Здѣсь нѣтъ и намека на тѣ,—говоря словами Коммунистическаго манифеста— «деспотическія вторженія въ право собственности и въ производственныя буржуазныя отношенія».

«которыя кажутся экономически недостаточными и несостоятельными, но которыя съ развитіемъ движенія перерастаютъ самихъ себя и неизбѣжны, какъ средства къ перевороту всего способа производства». Въ отсутствіи этихъ мѣръ существенный недостатокъ Эрфуртской программы.

Этихъ требованій не было и въ трехъ другихъ проектахъ, но ихъ требовали поправки къ проекту партійныхъ товарищей въ Лигницѣ и товарища Хуго Ланде въ Эльберфельдѣ. Вообще въ нѣмецкой партіи было и осталось не мало сторонниковъ внесенія въ практическую часть программы *соціалистическо-экономическихъ* требованій. Этого важнаго вопроса намъ придется подробно коснуться въ одной изъ слѣдующихъ главъ, гдѣ мы будемъ выяснять практическую часть предлагаемаго нами проекта.

Приблизительно за два года до принятія Эрфуртской программы въ ряды организованныхъ пролетарскихъ партій вступила родная сестра германской соціалдемократіи—соціалдемократія австрійская. Она выступила съ такъ называемой Гайнфельдской программой, выработанной докторомъ Викторомъ Адлеромъ и принятою 1-го января 1889 г. на Гайнфельдскомъ партейтагѣ. Карлъ Каутскій ставитъ эту программу очень высоко. Въ одной изъ своихъ статей *) онъ называетъ ее «продуманнымъ, законченнымъ произведеніемъ искусства», онъ сравниваетъ ее даже съ Аполлономъ Бельведерскимъ. Похвалы эти несомнѣнно преувеличены, и самъ авторъ Гайнфельдской программы на Вѣнскомъ партейтагѣ отклонилъ ихъ не безъ нѣкоторой иронiи.

Гайнфельдская программа раздѣляется на три части:

1) Декларація принциповъ, 2) резолюція о политическихъ правахъ и 3) резолюція о рабочемъ законодательствѣ и соціальной реформѣ.

Въ первой части принципамъ предшествуетъ введеніе, въ которомъ выясняется основная задача соціалдемократической партіи.

«Соціалдемократическая рабочая партія въ Австріи стремится освободить весь народъ безъ различія націи,

*) Die Neue Zeit 1901/1902. № 3.

расы и пола изъ оковъ экономической зависимости, устранить его политическое безправіе и поднять его изъ духовной приниженности. Причину такого недостойнаго состоянія слѣдуетъ искать не въ отдѣльныхъ политическихъ учрежденіяхъ, но въ опредѣляющемъ сущность всего общественнаго состоянія и надъ ней господствующемъ фактѣ, что средства труда монополизированы въ рукахъ отдѣльныхъ владѣльцевъ. Владѣлецъ рабочей силы — рабочій классъ, становится черезъ это рабомъ владѣльцевъ средствъ труда, класса капиталистовъ, политическое и экономическое господство которыхъ находитъ выраженіе въ современномъ государствѣ. Принадлежность средствъ производства отдѣльнымъ лицамъ, *политически* означая классовое государство, *экономически* означаетъ увеличивающуюся бѣдность массъ и ростущее обнищаніе все болѣе широкихъ народныхъ слоевъ. Вслѣдствіе техническаго развитія и колоссальнаго нарощенія производительныхъ силъ эта форма владѣнія оказывается не только излишней, но для преобладающаго большинства народа, она и фактически устраняется, въ то время какъ одновременно создаются необходимыя духовныя и матеріальныя предусловія для формы общаго владѣнія. Переходъ средствъ труда въ общее владѣніе всего народа обозначаетъ такимъ образомъ не только освобожденіе рабочаго класса, но и выполненіе исторически необходимаго развитія. Носителемъ этого можетъ быть только проникнутый классовымъ сознаніемъ и организованный, какъ политическая партія, пролетаріатъ. Политически организовать пролетаріатъ, наполнить его сознаніемъ его положенія и его задачи, сдѣлать и сохранить его духовно и физически способнымъ къ борьбѣ, является поэтому настоящей программой соціалдемократической рабочей партіи въ Австріи, для проведенія которой она будетъ пользоваться цѣлесообразными и естественному правовому чувству народа соотвѣтствующими средствами. Впрочемъ партія должна направлять и будетъ направлять свою тактику сообразно съ временными условіями, въ особенности съ поведеніемъ противниковъ.»

Вотъ та часть программы, которая составляетъ ея сущность и которая приводитъ въ восторгъ Каутскаго.

Несомнѣнно, здѣсь въ сжатой, сильной формѣ ска-

зано очень много, и многое сказано очень удачно. Но методъ, которому слѣдовалъ самъ Каутскій, въ построеніи теоретической части Эрфуртской программы, несравненно болѣе подходитъ для марксистской программы, чѣмъ методъ, которому въ данномъ случаѣ слѣдовалъ Адлеръ. Адлеръ дѣлаетъ ошибку огромнаго большинства составителей соціалистическихъ программъ, не выдерживая объективной точки зрѣнія, при изображеніи хода общественнаго развитія. Вслѣдствіе этого естественная неизбѣжность побѣды пролетаріата и замѣны буржуазнаго строя соціалистическимъ выступаетъ недостаточно выпукло; научные выводы оттѣсняются на задній планъ партійными заявленіями, неизбѣжно носящими, такъ сказать, субъективный характеръ.

Программа превосходно опредѣляетъ значеніе соціалдемократіи, когда говоритъ, что носителемъ общественнаго развитія можетъ быть только пролетаріатъ, сознающій свои классовые интересы и организованный, какъ политическая партія, но программа противорѣчитъ сама себѣ въ слѣдующихъ за этимъ мѣстомъ строкахъ, гдѣ формулируется собственная программа соціалдемократической партіи. Не говоря уже о томъ, что у соціалдемократической партіи оказываются, какъ бы, двѣ «программы»: одна, формулированная въ началѣ, другая — въ концѣ, не говоря уже объ этомъ внѣшнемъ недостаткѣ, мнѣ кажется, что въ программѣ вообще не слѣдуетъ спеціально пояснять, что должна изъ себя представлять эта программа; это должно быть ясно изъ всего ея содержанія.

Наконецъ, противопоставляя соціалдемократическую партію пролетаріату, который изъ носителя общественнаго развитія превращается вдругъ въ какую-то аморфную массу, Адлеръ дѣлаетъ ту-же ошибку, какъ и Каутскій въ Эрфуртской программѣ.

За этимъ введеніемъ, «все-же» выставляются слѣдующія общія основныя положенія.

Первое положеніе говоритъ о международномъ характерѣ партіи и затѣмъ повторяетъ то, что сказано въ началѣ введенія.

Второе — говоритъ о необходимости свободы печати, собраній и сообществъ.

Третье—о всеобщемъ равномъ и прямомъ избирательномъ правѣ.

Четвертое—о рабочемъ законодательствѣ.

Пятое — объ обязательномъ даровомъ и свѣтскомъ образованіи и объ отдѣленіи церкви отъ государства.

Шестое—о всеобщемъ народномъ вооруженіи.

Седьмое—снова толкуетъ о задачахъ рабочей партіи въ нѣсколько другихъ словахъ, чѣмъ введеніе.

Восьмое — коментируетъ требованіе единаго прямого прогрессивнаго налога.

Въ этихъ восьми положеніяхъ мы видимъ, такимъ образомъ, смѣшеніе принципіальныхъ положеній съ практическими требованіями, снабженными коментаріями, болѣе умѣстными въ пояснительной запискѣ.

«Резолюція о политическихъ правахъ» опять таки начинается съ выясненія всемірно-историческихъ задачъ пролетаріата, повторяетъ требованія свободы выраженія мнѣній, присоединяя къ нему шесть реформъ, расширяющихъ политическія права народа.

Наконецъ резолюція о рабочемъ законодательствѣ и соціальной реформы, нося характеръ полемической статьи по вопросу о соціальной реформѣ, приводитъ основы рабочаго законодательства.

Нѣтъ, о законченности, гармоніи и художественной красотѣ въ этой программѣ не можетъ быть и рѣчи. Отдѣльныхъ удачныхъ очень много, но единаго, строго проведеннаго плана не существуетъ. Понятно, что и авторъ Гайнфельдской программы и партія скоро почувствовали необходимость выработать новую программу. Новая программа, выработанная опять таки Адлеромъ, была принята на Вѣнскомъ партейтагѣ въ ноябрѣ 1901 г. Вѣнская программа съ гораздо большимъ правомъ можетъ быть названа художественнымъ произведеніемъ, чѣмъ гайнфельдская. Дѣленіе на декларацію принциповъ и двѣ резолюціи изчезло и она, подобно Эрфуртской, состоитъ изъ теоретическаго введенія, и вытекающихъ изъ него ряда практическихъ требованій. Изъ общедемократическихъ требованій выдѣлены, какъ и въ Эрфуртской программѣ, требованія, касающіяся спеціально рабочаго класса. Введеніе сохранило всѣ достоинства и всѣ недостатки введенія декларації принпиповъ Гайнфельдской программы. Про практическую часть можно сказать тоже, что про прак-

тическую часть Эрфуртской программы; онѣ почти тождественны. Съ демократической точки зрѣнія, повторяю, противъ нихъ трудно сдѣлать много возраженій, съ соціалдемократической точки зрѣнія въ нихъ, повторяю, не достаетъ мѣропріятій, наносящихъ ударъ частной собственности, что необходимо для расчистки пути къ соціалистическому строю.

На ряду съ этой общей Вѣнской программой у австрійской соціалдемократіи имѣется еще программа національностей, принятая на Брюнскомъ партейтагѣ 1899 года: Эта программа касается спеціально національнаго вопроса, имѣющаго для Австріи огромное значеніе. Она указываетъ правильный путь къ его разрѣшенію, о чемъ намъ придется говорить, когда мы будемъ разбирать вопросъ о федеративномъ устройствѣ Россіи.

Эрфуртская и Вѣнская программы составлены вѣрными учениками Маркса, но ни Марксъ, ни Энгельсъ не принимали участіе въ ихъ составленіи.

Единственной программой, если не считать, конечно, коммунистическаго манифеста, составленной при непосредственномъ участіи Маркса и Энгельса, является программа «французской рабочей партіи», принятая на Парижскомъ конгрессѣ въ іюнѣ 1880 г. Ею марксизмъ внесенъ во французское рабочее движеніе, и вообще она имѣетъ историческое значеніе. Она заслуживаетъ названія «произведенія искусства». Составители, видимо, поставили своей задачей довести краткость и сжатость до крайнихъ предѣловъ.. И въ ней дѣйствительно нѣтъ лишнихъ словъ, но мы-бы сказали, что въ ней не достаетъ многихъ словъ.

Она состоитъ изъ краткаго принципіальнаго обоснованія и практическихъ требованій, распадающихся на часть политическую и часть экономическую.

Приведемъ принципіальное обоснованіе, за которымъ такъ и чувствуется Марксъ.

«Принимая во вниманіе,

что освобожденіе производительнаго класса есть освобожденіе всѣхъ человѣческихъ существъ безъ различія пола и расы;

что производители сумѣютъ стать свободными лишь настолько, насколько они будутъ обладать сред-

ствами производства (землею, фабриками, судами, банками, кредитами и т. д.)

что существуютъ только двѣ формы, въ которыхъ средства производства могутъ имъ принадлежать:

1) форма индивидуальная, которая никогда не существовала, какъ общій фактъ, и которая болѣе и болѣе ограничивается промышленнымъ прогрессомъ;

2) форма коллективная, матеріальные и интеллектуальные элементы которой создаются самимъ развитіемъ капиталистическаго класса.

Принимая во вниманіе,

что это коллективное присвоеніе можетъ исходить только изъ революціоннаго дѣйствія производительнаго класса или пролетаріата, организованнаго въ отдѣльную политическую партію;

что подобную организацію слѣдуетъ осуществлять всѣми средствами, которыми располагаетъ пролетаріатъ, въ томъ числѣ всеобщей подачей голосовъ, превращенной такимъ образомъ изъ орудія обмана, какимъ она была до сихъ поръ, въ орудіе освобожденія;

французскіе соціалистическіе рабочіе, ставя цѣлью своихъ усилій политическую и экономическую экспропріацію класса капиталистовъ и возвращеніе коллективности всѣхъ средствъ производства, рѣшили въ качествѣ средства организаціи и борьбы принять участіе въ выборахъ съ слѣдующими немедленными требованіями»...

Превосходно! Все, какъ-будто высѣчено изъ одного гранитнаго куска или какъ нѣмцы говорятъ «aus einem Guss»! Но для программы партіи, программы, которая должна пропагандировать въ широкихъ массахъ, которая должна шевелить непривычные къ діалектическому мышленію умы, этихъ выводовъ не достаточно. Имъ должно предшествовать краткое изображеніе хода общественнаго развитія съ его ободряющей необходимостью. Этой объективной необходимости въ программѣ, составленной Марксомъ и Энгельсомъ и ихъ видными друзьями и учениками Гэдомъ и Лафаргомъ, не видно. Рабочій классъ выступаетъ у нихъ прямо, какъ борецъ съ «свободной волей».

Эта односторонность программы объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что она приноровлена къ опредѣленному моменту, къ выступленію партіи въ избирательную компанію 1881 году.

Для жизни партіи во всемъ ея цѣломъ нужна программа съ болѣе развитымъ, съ болѣе широкимъ принципіальнымъ основаніемъ. Правда, программа «французской рабочей партіи» всегда сопровождается прекрасной пояснительной запиской, прекрасными коментаріями Гэда и Лафарга, въ которыхъ имѣется все то, чего не хватаетъ самой программѣ, но программные коментаріи имѣютъ уже то неудобство, что какъ бы то ни было являются индивидуальнымъ мнѣніемъ ихъ составителей, мнѣніемъ, не санкціонированнымъ волей всей партіи. Исходными пунктами для всесторонней пропаганды и агитаціи должны быть мысли самой программы, а не ея комментарія. Красота построенія программы стоитъ въ извѣстной зависимости отъ ея сжатости; но этою красотою иногда приходится жертвовать во имя опредѣленности пропаганды, требующей возможно болѣе широкаго программно-партійнаго обоснованія.

Что касается до практическихъ немедленныхъ требованій, то ихъ ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать минимальными, и они должны возбуждать глубокое негодованіе минимальныхъ соціалдемократовъ, воспитанныхъ на передовыхъ статьяхъ «Послѣднихъ извѣстій», «соціалдемократовъ», заявлявшихъ, что внесеніемъ въ практическую часть программы требованій, нарушающихъ существующій строй, я терзаю и заколачиваю въ гробъ дорогое имъ существо—соціалдемократію.

Практическія требованія программы, составленной Марксомъ, заключаютъ въ себѣ, напримѣръ, уничтоженіе государственнаго долга, уничтоженіе всѣхъ договоровъ, отчуждающихъ государственную собственность (банка, желѣзныхъ дорогъ, копей и т. д.), передачу всѣхъ государственныхъ мастерскихъ въ распоряженіе работающимъ тамъ рабочимъ и наконецъ отмѣну наслѣдованія по боковой линіи и всякаго наслѣдованія по прямой линіи, превышающаго 20 тысячъ франковъ.

Скажите по совѣсти, господа минимальные соціалдемократы, нарушаетъ немедленное выполненіе этихъ

требованій не только вообще существующій строй, какъ выражаетесь вы, но даже и существующій *буржуазный* строй, какъ слѣдовало бы выражаться, если уже говорить о максимальныхъ и минимальныхъ требованіяхъ?

И такія требованія, какъ передача въ распоряженіе рабочихъ промышленныхъ предпріятій и почти полное уничтоженіе права наслѣдованія поставлены рядомъ съ законодательнымъ уменьшеніемъ рабочаго дня. Марксъ и товарищи навѣрное считали, что даже и это послѣднее требованіе нарушаетъ существующій строй и они, конечно, были правы.

Во время обсужденія вопроса объ уменьшеніи рабочаго дня въ Россіи, послѣ стачекъ 1896 г., Побѣдоносцевъ воскликнулъ: «Восьмичасовой рабочій день и первое мая — это та пропасть, въ которую стремится все человѣчество!» Для Побѣдоносцева существуетъ, конечно, только самодержавно-буржуазное человѣчество, и онъ съ своей точки зрѣнія, до извѣстной степени, правъ. Все, что укрѣпляетъ организацію рабочаго класса, все, что подымаетъ его боевую готовность, все это—пропасть для современнаго буржуазнаго общества, рѣшительный ударъ которому нанесетъ, какъ выражается программа французской рабочей партіи, революціонное дѣйствіе производительнаго класса.

Мы заканчиваемъ разсмотрѣніе построеній иностранныхъ соціалистическихъ программъ, пропуская тѣ изъ нихъ, ознакомленіе съ которыми, по нашему мнѣнію, не можетъ прибавить ничего новаго къ уже сказанному, и переходимъ къ разсмотрѣнію программъ русскихъ.

Не только по содержанію, но и по своему построенію русская соціалистическая или соціалдемократическая программа по необходимости должна отличаться отъ программъ западно-европейскихъ и американскихъ. У русскаго пролетаріата нѣтъ законныхъ средствъ борьбы. Каждый его шагъ впередъ—незаконенъ и революціоненъ. Революція—его *ближайшая* цѣль. Его программѣ не приходится считаться съ противорѣчіемъ между политической демократіей и экономической олигархіей, ему не приходится превращать орудіе обмана

въ орудіе освобожденія; политическую свободу, и экономическую свободу онъ одинаково долженъ взять съ бою, онѣ для него сливаются вмѣстѣ больше, чѣмъ для пролетаріата другихъ странъ, и это должно отражаться на практической части его программы, гдѣ удары въ частную собственность должны дополнять удары въ буржуазный абсолютизмъ. На западѣ, гдѣ существуютъ различныя политическія «вольности», гдѣ есть законныя орудія обмана, способныя превращаться въ законныя орудія освобожденія, еще возможно допустить, чтобы практическія требованія урѣзывались во имя законности, чтобы онѣ взвѣшивались на вѣсахъ мирной эволюціи, но у насъ это не допустимо.

Однимъ изъ любимыхъ девизовъ нѣмецкихъ соціалдемократовъ является рискованное утвержденіе: «законность убиваетъ нашихъ враговъ.»

«Иронія всемірной исторіи выкидываетъ злыя шутки,—писалъ въ 1895 г. Энгельсъ въ предисловіи къ «Классовой борьбѣ во Франціи» Карла Маркса.—Мы, «революціонеры и потрясатели основъ» вѣрнѣе идемъ къ своей цѣли законными путями, нежели незаконными. А партію порядка, какъ называютъ себя наши враги, губитъ ея же дѣтище, — законная почва. Въ отчаяніи она повторяетъ за Одилономъ Барро: la légalité nous tue, законность—наша смерть, а мы — мы наживаемъ на этой законности крѣпкіе мускулы и румяныя щеки и выглядываемъ, какъ сама жизнь.»

Увы, а можетъ быть и слава Богу, намъ не нажить на этой законности крѣпкихъ мускуловъ, румяныхъ щекъ. Въ Россіи законность убиваетъ не нашихъ враговъ, а насъ. Выпрямляясь, русскій пролетаріатъ неизбѣжно сталкивается съ законностью, и его историческая задача —повалить эту законность не для того, чтобы создать противорѣчія между политической демократіей и экономической олигархіей, а чтобы, говоря словами Каутскаго, немедленно свое политическое освобожденіе пополнить своимъ соціальнымъ освобожденіемъ, такъ какъ его предыдущее общественное положеніе стоитъ въ непримѣримомъ противорѣчіи къ его политическому господству. Его ближайшая цѣль — соціальная революція.

Выясненіе сущности и значенія русской соціальной революціи составляетъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ

послѣдующихъ главъ, но уже и здѣсь мы считали необходимымъ указать на свою точку зрѣнія въ этомъ вопросѣ, такъ какъ отъ того или другого взгляда на революцію, къ которой стремится русскій пролетаріатъ, зависитъ даже само построеніе его программы.

Зародышемъ русской соціалдемократической *рабочей партіи* слѣдуетъ считать не эмигрантскую группу «освобожденія труда», а Сѣверно-русскій рабочій союзъ, основанный въ Петербургѣ въ декабрѣ 1878 года рабочими Степаномъ Халтуринымъ и Викторомъ Обнарскимъ. Первой соціалдемократической рабочей программой слѣдуетъ считать не программу «группы освобожденія труда», а программу Сѣвернаго союза, выработанную Халтуринымъ и его товарищами по союзу, въ который какъ извѣстно, допускались только рабочіе.

Программа Сѣвернаго союза включаетъ въ себя и манифестъ ко всѣмъ русскимъ рабочимъ, и оффиціальный уставъ и, наконецъ, программу въ собственномъ значеніи слова.

Послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ словъ о тяжести и несправедливости существующаго «политическаго и экономическаго гнета» выясняется значеніе «общерусскаго союза рабочихъ, который, сплачивая разрозненныя силы *городского и сельскаго* населенія и выясняя ему его собственные интересы, цѣли и стремленія, служилъ бы ему достаточнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ соціальнымъ безправіемъ и давалъ бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успѣшнаго веденія борьбы». Затѣмъ подробно излагается уставъ союза, при чемъ указывается, что въ члены союза допускаются только рабочіе. За уставомъ слѣдуютъ программныя требованія съ предварительнымъ указаніемъ, что «сѣверный союзъ русскихъ рабочихъ *тѣсно примыкаетъ* по своимъ задачамъ къ *соціально-демократической партіи Запада.*»

Первыми требованіями выставлены слѣдующія четыре: «1) Ниспроверженіе существующаго политическаго и экономическаго строя государства, какъ строя крайне не справедливаго; 2) учрежденіе *свободной народной федераціи общинъ*, основанныхъ на полной политической равноправности и съ полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ на началахъ русскаго обычнаго права; 3) уничтоженіе поземельной собственности и замѣна ея

общиннымъ землевладѣніемъ; 4) правильная ассоціаціонная организація труда предоставляющая въ руки рабочихъ-производителей продукты и орудія производства.

Отдѣльно, съ предпосылкой на значеніе политической свободы, поставлены «непосредственныя требованія союза», среди которыхъ кромѣ требованій свободы слова, печати, собраній и сходокъ; уничтоженія сыскной полиціи и дѣлъ по политическимъ преступленіямъ; уничтоженія сословныхъ правъ и преимуществъ; обязательнаго и безплатнаго обученія во всѣхъ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ и т. п., мы встрѣчаемъ: право сельской общины на рѣшеніе дѣлъ, касающихся ея, какъ-то: размѣра податей, надѣла земли и внутренняго самоуправленія; учрежденіе производительныхъ ассоціацій, ссудныхъ кассъ и дарового кредита рабочимъ ассоціаціямъ и крестьянскимъ общинамъ», и, наконецъ, ограниченіе числа рабочихъ часовъ и запрещеніе дѣтскаго труда.

За этою «программой» и въ связи съ ней идетъ манифестъ, проникнутый тѣмъ же духомъ, какимъ проникнуты воззванія и произведенія нѣмецкаго рабочаго Вейтлинга, одного изъ родоначальниковъ германской соціалдемократіи. Особенно характерны въ этомъ отношеніи *неоднократныя* ссылки на ученіе Христа, «ученіе въ сущности совпадающее съ ученіемъ соціализма».

«Вы развращаете міръ, скажутъ намъ, вы разрушаете семью, вы попираете собственность и оскверняете религію». Нѣтъ, будемъ отвѣчать имъ: не мы развращаемъ міръ, а вы; не мы причиняемъ зло, а вы. Напротивъ, мы идемъ обновить міръ, возродить семью, установить собственность, какъ она должна быть и вокресить великое ученіе Христа о братствѣ и равенствѣ».

На ряду съ указаніями на ученіе Христа «забытое и непонятое», но возрождающееся въ современномъ рабочемъ соціализмѣ, рѣзко подчеркивается солидарность русскаго пролетаріата съ пролетаріатомъ всего міра.

«Великая *соціальная* *) борьба уже началась и

*) Подчеркнуто всюду мною. В П.

намъ нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя освобожденія милліоновъ — и намъ остается только примкнуть къ нимъ. Рука объ руку съ ними пойдемъ мы впередъ и въ братскомъ единеніи сольемся въ одну грозную силу...»

Построеніе этого программнаго воззванія еще очень несовершенно; научное обоснованіе отсутствуетъ, нѣтъ «необходимости» соціальнаго переворота, а только его «справедливость», но тѣмъ не менѣе это произведеніе пробуждающагося русскаго рабочаго имѣетъ огромное значеніе. Оно проникнуто сильнымъ революціонно-классовымъ чувствомъ, и надъ нѣкоторыми требованіями и указаніями рабочихъ, піонеровъ русскаго рабочаго движенія и теперь бы еще не мѣшало поразмыслить нашимъ ученымъ освободителямъ труда, таково, напримѣръ требованіе «свободной народной федераціи общинъ».

Приблизительно черезъ два года послѣ появленія программы Сѣвернаго союза русскихъ рабочихъ, разбитаго правительствомъ въ самомъ началѣ его дѣятельности, появляется программа рабочихъ членовъ партіи Народной Воли. Здѣсь нѣтъ наивности перваго революціоннаго порыва пробуждающагося рабочаго класса, здѣсь нѣтъ ссылокъ на ученіе Христа, здѣсь много ссылокъ на науку, но эта программа не столько рабочихъ, сколько *для рабочихъ*: революціонный интеллигентъ оттѣсняетъ въ ней революціоннаго рабочаго съ его вѣрнымъ классовымъ инстинктомъ.

Соціально-революціонная партія выдвигается здѣсь какъ нѣчто отдѣльное отъ борющагося пролетаріата. Она «вѣрный союзникъ народа», рабочій народъ можетъ всегда братски протянуть ей руку, люди этой партіи набираются изъ всѣхъ сословій русскаго царства и т. д. На ряду съ этой вѣрной союзницей, народъ, по словамъ программы, можетъ найти поддержку въ отдѣльныхъ лицахъ изъ другихъ сословій, въ людяхъ образованныхъ, которымъ также хотѣлось-бы, чтобъ въ Россіи жилось свободнѣе и лучше, но которыхъ «не очень тревожитъ то обстоятельство, что русскій крестьянинъ въ кабалѣ у хозяина и кулака, потому что этотъ гнетъ имъ не знакомъ, но они испытали на своей шкурѣ произволъ полицейскій и чиновничій и охотно помогли-бы ему съ ними поконъ-

чить». Въ другомъ мѣстѣ программы говорится объ обязанности, уже просто «всѣхъ понимающихъ дѣло и честныхъ людей, поддержать насъ (т. е. революціонеровъ) и положить конецъ этому безобразію» (т. е. тяжелому положенію народа и его «безобразной» жизни).

Съ другой стороны о единственно-вѣрномъ и сильномъ союзникѣ русскаго рабочаго класса, какимъ, по мнѣнію Халтурина и его товарищей, являются западноевропейскіе «братья рабочіе», въ программѣ рабочихъ членовъ Народной Воли совершенно не упоминается. Въ этомъ одинъ изъ ея самыхъ существенныхъ недостатковъ сравнительно съ программой Сѣверно-русскаго союза.

Программа распадается на шесть частей, обозначенныхъ буквами: А, Б, В, Г, Д, Е.

Въ отдѣлѣ А рисуется соціалистическій строй, причемъ не указывается на его неизбѣжность, а приводится лишь утвержденіе, что «историческій опытъ человѣчества, а также и изученіе, и наблюденіе жизни народовъ убѣдительно и ясно доказываютъ, что народы только тогда достигнутъ наибольшаго счастья и силы, что люди тогда только станутъ братьями, будутъ свободны и равны, когда устроютъ свою жизнь согласно съ соціалистическимъ ученіемъ».

Въ отдѣлѣ Б рисуется современный строй.

«Поглядите: въ деревняхъ крестьянская земля постепенно переходитъ въ руки кулаковъ и спекулянтовъ; въ городахъ фабричные и заводскіе рабочіе попадаютъ все въ большую кабалу къ фабриканту; капиталисты становятся силой, съ которой разъединеннымъ рабочимъ бороться трудно; государство и правительство стягиваютъ къ себѣ все богатство и силу страны при содѣйствіи цѣлой арміи чиновниковъ, вполнѣ независимыхъ отъ народа и вполнѣ покорныхъ волѣ правительства; весь народъ отданъ подъ надзоръ жадной и невѣжественной полиціи (урядниковъ и другихъ полицейскихъ чиновъ)».

Въ отдѣлѣ В говорится о врагахъ и друзьяхъ народа и указывается, что перемѣны въ порядкѣ должны быть понятны народу, согласны съ его требованіями и приближать жизнь къ соціалистическому строю.

Отдѣлъ Г содержитъ перечисленіе «перемѣнъ въ

государственномъ строѣ и народной жизни» для «ближайшаго времени».

Этотъ отдѣлъ составленъ очень продуманно, и значительная часть выставленныхъ въ немъ требованій почти безъ измѣненій могла бы быть перенесена въ современную русскую соціалдемократическую программу.

Мы встрѣчаемъ здѣсь «обще-русскій союзъ» самостоятельныхъ во внутреннихъ дѣлахъ областей и общинъ, право народовъ, насильственно присоединенныхъ къ русскому царству отдѣлиться или остаться въ общерусскомъ союзѣ; объявленіе земли, заводовъ и фабрикъ народною собственностью и предоставленіе ихъ въ пользованіе земледѣльческимъ, заводскимъ и фабричнымъ общинамъ; полную свободу слова и совѣсти и т. п.

Въ концѣ этого отдѣла программа предлагаетъ городскимъ рабочимъ что помнить, «отдѣльно отъ крестьянства они всегда будутъ подавлены правительствомъ, фабрикантами и кулаками, потому что главная народная сила не въ нихъ, а въ крестьянствѣ».

Отдѣлъ Д выясняетъ дѣятельность организаціонную и подготовительную къ революціи и рекомендуетъ рабочимъ кружкамъ «устраивать, гдѣ нужно, стачки противъ фабрикантовъ и готовиться къ борьбѣ съ полицейскими и правительственными властями, всегда стоящими за фабриканта».

Отдѣлъ Е рисуетъ картину предстоящей революціи. «Для успѣха дѣла» — говоритъ между прочимъ программа — «крайне важно овладѣть крупнѣйшими городами и удержать ихъ за собой. Съ этой цѣлью возставшій народъ немедленно по очищеніи города отъ врага долженъ избрать свое Временное Правительство изъ рабочихъ, извѣстныхъ своею преданностью народному дѣлу».

Въ заключеніе предусматривается возможность конституціи и указывается, что и въ этомъ случаѣ дѣятельность рабочихъ не должна измѣниться.

У программы много крупныхъ недостатковъ, но есть и очень крупныя достоинства, такъ что неудивительно, что К. Марксъ, которому «исполнительнымъ комитетомъ» была прислана эта программа, отнесся къ ней съ величайшимъ вниманіемъ.

Въ библіотекѣ нѣмецкихъ соціалдемократовъ со-

хранился экземпляръ этой программы, испещренный отмѣтками К. Маркса.*) Изъ нихъ видно, что многія заявленія и требованія программы вызвали у автора «Капитала» самое сочувственное отношеніе.

Онъ, напр., подчеркнулъ или отмѣтилъ большинство практическихъ требованій въ отдѣлѣ Г.

Его, видимо, нисколько не поразило и не возмутило, что авторы «рабочей программы» признавали возможнымъ добиваться *въ ближайшее время* экспропріаціи или вѣрнѣе конфискаціи всей земли, фабрикъ и заводовъ и что они ставили это требованіе на ряду съ требованіемъ дарового и доступнаго всѣмъ образованія.

Нѣкоторыя заявленія программы Марксъ зачеркнулъ, видимо, будучи ими недоволенъ, но указанныя выше требованія отдѣла Г онъ сочувственно отмѣтилъ чертами на поляхъ.

Если бы онъ былъ живъ, россійскіе революціонные соціалдемократы, узнавъ о такомъ «извращеніи сущности соціалдемократіи», навѣрное, стали бы его ядовито называть «господинъ Марксъ». Ихъ «товарищъ» можетъ требовать лишь того, что «не нарушаетъ существующаго строя»!

Что касается Маркса, то онъ, какъ извѣстно, гордился такими товарищами, какъ члены «Народной Воли»,! которые примирили его съ Россіей и русскими.

Несомнѣнно и въ этой «рабочей программѣ» онъ на ряду съ недостатками увидѣлъ широкую революціонную перспективу, почуялъ горячую вѣру въ рабочій народъ.

И возможно, что, если бы онъ дожилъ до появленія проекта группы «Освобожденія труда» и прочелъ бы его, то нашелъ бы, что этотъ проектъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ является шагомъ назадъ сравнительно съ программой рабочихъ членовъ «Народной Воли».

Проектъ программы русскихъ соціалдемократовъ, выработанный группой «Освобожденія Труда», въ которую входили Аксельродъ, Дейчъ, Игнатовъ, Засуличъ и Плехановъ, опубликованъ былъ сначала въ 1883 году и затѣмъ переизданъ въ переработанномъ видѣ въ

*) См. «Былое» Историко-революціонный сборникъ № 3 1903 г.

1884 году *). Мы будемъ имѣть въ виду проектъ переработанный. Про него Плехановъ говоритъ, что онъ «не былъ, насколько мы знаемъ, *открыто принятъ* ни одной изъ дѣйствующихъ въ Россіи организацій, хотя *всѣ* серьезныя русскія соціалдемократическія организаціи работали въ его духѣ». Это заявленіе подлежитъ спору, но не подлежитъ спору другое заявленіе того-же Плеханова, что «программа группы «*Освобожденіе Труда*» представляетъ собою скорѣе очень сжато написанную статью, чѣмъ программу въ собственномъ смыслѣ слова: она содержитъ въ себѣ не только изложеніе взглядовъ ея авторовъ, но и защиту этихъ взглядовъ, отвѣты на тѣ возраженія, которыя должны были подняться со всѣхъ сторонъ». Это несомнѣнно, но къ этому нужно прибавить, что статья-программа группы «Освобожденіе Труда» содержитъ именно только изложеніе взглядовъ ея авторовъ, а не изложеніе взглядовъ русскаго рабочаго класса; нѣтъ въ ней и характеристики общественнаго развитія, необходимо приводящаго къ соціализму.

Статья-программа прямо начинается съ сообщенія о томъ, къ чему «стремятся соціалдемократы» безъ указанія того процесса, который порождаетъ и соціалдемократовъ, и ихъ стремленія. Стремятся соціалдемократы къ «полному освобожденію труда отъ гнета капитала», а не къ уничтоженію угнетенія и эксплуата-

*) Во второмъ выпускѣ «Матеріаловъ для выработки партійной программы» Н. Рязановъ сообщаетъ по этому поводу слѣдующее: «Переиздавая въ своей замѣчательной брошюрѣ „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соціалдемократовъ“ “Проектъ программы русскихъ соціалдемократовъ“, тов. Аксельродъ замѣчаетъ, что она издана въ 1885 г. Тов. Плехановъ въ комментаріи къ новому проекту добавляетъ, что проектъ этотъ былъ выработанъ въ 1884 г., а опубликованъ въ 1885 г. Но и тов. Аксельродъ и тов. Плехановъ одинаково ошибаются. Группа «Освобожденія труда» опубликовала *двѣ* программы. Когда былъ выработанъ первый проектъ можно сказать только гадательно: въ 1883 или въ 1884 г., но *опубликованъ* онъ былъ въ 1884 г. Второй былъ выработанъ не раньше 1887 г., какъ видно хотъ бы изъ этого, что въ немъ ни однимъ словомъ не упоминается партія «Народной Воли», которой въ первой программѣ было посвящено нѣсколько строкъ. *Опубликованъ* этотъ проектъ въ 1888 г. въ приложеніи къ брошюрѣ «Чего хотятъ соціалъ-демократы.»

ціи человѣка человѣкомъ во всѣхъ ихъ формахъ, какъ сказалъ бы сознательный, хотя, быть можетъ, и не ученый представитель пролетаріата.

«Такое освобожденіе» — говоритъ программа далѣе — «можетъ быть достигнуто путемъ перехода въ общественную собственность всѣхъ *средствъ* и *предметовъ* производствъ, перехода, который повлечетъ за собой:

а) устраненіе современнаго товарнаго производства, (т. е. купли и продажи продуктовъ на рынки) и

б) замѣну его новой системой общественнаго производства по заранѣе составленному плану въ виду удовлетворенія потребностей, какъ цѣлаго общества, такъ и каждаго изъ его членовъ *въ предѣлахъ, допускаемыхъ состояніемъ производительныхъ силъ въ данное время**). Противъ этихъ положеній нельзя-бы ничего возразить, но оговорка о «предѣлахъ» *по меньшей мѣрѣ* излишня: авторы проекта, какъ бы хотѣли предупредить, что и въ будущемъ соціалистическомъ строѣ будетъ существовать противорѣчіе между потребностями и ихъ удовлетвореніемъ.

«Эта коммунистическая революція вызоветъ самыя коренныя измѣненія во всемъ складѣ общественныхъ и международныхъ отношеній.

Замѣняя современное *господство продукта**) *надъ производствомъ — господствомъ производителя надъ продуктомъ*, она внесетъ сознательность туда, гдѣ господствуетъ нынѣ слѣпая необходимость; упрощая и осмысливая всѣ общественныя отношенія, она вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставитъ каждому гражданину реальную экономическую возможность непосредственнаго участія въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ общественныхъ дѣлъ. Это непосредственное участіе гражданъ въ завѣдываніи общественными дѣлами предполагаетъ устраненіе современной системы политическаго представительства и замѣну ея *прямымъ народнымъ законодательствомъ*».

Удивительный способъ выражаться для программы, предназначаемой быть программой борющагося пролетаріата! «Господство продукта надъ производителемъ!»

---

*) Подчеркнуто мною. В. П.

Неученый пролетарій скажетъ на это: «Помилуйте, господа почтенные, надо мной господствуетъ совсѣмъ не какой-то тамъ «продуктъ», а хозяинъ, предприниматель, капиталистъ; это надъ капиталистомъ господствуетъ продуктъ, а не надо мною.»*) Такъ скажетъ простой пролетарій, но онъ, вѣдь, не-ученый!

Съ вопросительнымъ видомъ остановится неученый пролетарій и передъ «устраненіемъ современной системы политическаго представительства и замѣной ея *прямымъ народнымъ законодательствомъ*».

Это несомнѣнно одинъ изъ первыхъ козырей программы, недаромъ онъ выдвинутъ на самый передній планъ непосредственно за «господствомъ продукта надъ производителемъ».

Недоразумѣніе пролетарія начнетъ разсѣиваться, если онъ прочтетъ въ № 4 «Зари» слѣдующее признаніе Плеханова:

«На счетъ представительной системы и прямого народнаго законодательства, надо прямо сказать, что въ этомъ отношеніи группа «Освобожденія Труда» находилась подъ вліяніемъ *идей Риттингаузена*, и что прекрасная работа Каутскаго: «Der Parlamentarismus, die Volksgesetzgebung und die Socialdemokratie, Stuttgart 1893», заставила ее значительно измѣнить свой взглядъ.»

Недоумѣніе неученаго пролетарія совершенно разсѣется, если онъ заглянетъ въ «прекрасную работу Каутскаго» и прочтетъ тамъ хотя бы слѣдующее:

«Въ дѣйствительности предлагаемый Риттингаузеномъ методъ законодательства при посредствѣ народа ведетъ не къ упрощенію его, а къ безнадежной путаницѣ. Передача законодательной работы изъ *одного* собранія *десяти тысячамъ* собраній, дѣйствующихъ на ряду съ другъ другомъ, но независимо другъ отъ друга, могла бы имѣть лишь *одинъ* результатъ: *хаосъ*» (ст. 61).

И далѣе: «Пока соціалдемократія форму предста-

---

*) Намъ могутъ указать, что и въ «Капиталѣ» Маркса можно встрѣтить сходныя съ этимъ выраженія, но что можетъ быть допустимо въ обширномъ трудѣ, гдѣ авторъ, по его словамъ «кокетничалъ» своеобразной манерой выражаться, то все же недопустимо въ программѣ.

В. П.

вительныхъ собраній считаетъ неизбѣжной для урегулированія ея собственныхъ дѣлъ, было бы *просто смѣшно**), если бы при урегулированіи государственныхъ дѣлъ, она объявила эту форму излишней и вредной и пожелала бы провозгласить ея отмѣну.

Это *дѣтское, но не невинное удовольствіе мы можемъ предоставить анархистамъ...*» (стр. 80).

И наконецъ: «мы думаемъ достаточно разъяснили, какая *нелѣпость**) (Unzibg) риттингаузенская метода народнаго законодательства!»

Такъ вотъ что за штука *эти идеи Риттингаузена*, которыя такъ долго господствовали надъ членами группы «Освобожденія Труда»— скажетъ неученый пролетарій и, если онъ при этомъ соціалдемократъ, то, навѣрное, начнетъ съ недовѣріемъ посматривать на Плеханова, такъ долго и уже въ зрѣломъ возрастѣ предававшагося анархическому «удовольствію».

За анархическимъ козыремъ программа-статья говоритъ о «*солидарности интересовъ производителей всѣхъ странъ*» и, *о захватѣ рабочимъ классомъ политической власти въ каждой изъ соотвѣтствующихъ странъ*» и переходитъ къ выясненію особенностей задачъ русскихъ соціалдемократовъ.

Здѣсь въ центръ поставлена община. Она во всемъ виновата.

«Патріархальныя общинныя формы крестьянскаго землевладѣнія быстро разлагаются, община превращается въ простое средство закрѣпощенія государству крестьянскаго населенія, а во многихъ мѣстностяхъ она служитъ также орудіемъ эксплуатаціи бѣдныхъ общинниковъ богатыми. Въ то-же время, пріурочивая къ землѣ интересы огромной части производителей, она препятствуетъ ихъ умственному и политическому развитію, ограничивая ихъ кругозоръ узкими предѣлами деревенскихъ традицій. Русское революціонное движеніе, торжество котораго послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встрѣчаетъ въ немъ ни поддержки, ни сочувствія, ни пониманія».

Тутъ, какъ видите, гнѣвъ съ общины начинаетъ переноситься на «производителя» — мужика.

«Главнѣйшая опора абсолютизма заключается

---

*) Курсивъ мой. В. П.

именно въ политическомъ безразличіи и умственной отсталости крестьянства. Необходимымъ слѣдствіемъ этого является безсиліе и робость тѣхъ образованныхъ слоевъ высшихъ классовъ, матеріальнымъ и умственнымъ интересамъ которыхъ противорѣчитъ современная политическая система. Возвышая голосъ во имя народа, они съ удивленіемъ видятъ, что онъ равнодушенъ къ ихъ призывамъ. Отсюда — неустойчивость политическихъ воззрѣній, а временами уныніе и полное разочарованіе нашей интелегенціи».

Ну и подлецъ же этотъ мужикъ! Господа, матерьяльнымъ интересамъ которыхъ противорѣчитъ современная политическая система, возвышаютъ во имя мужика свой голосъ, а онъ хоть бы ухомъ повелъ и только въ уныніе вводитъ образованные слои высшихъ классовъ. Не даромъ онъ классъ низшій и надъ нимъ, какъ надъ производителемъ господствуетъ продуктъ!

«Такое положеніе дѣлъ было бы вполнѣ безнадежно если бы указанное движеніе русскихъ экономическихъ отношеній не создавало новыхъ шансовъ успѣха для защитниковъ интересовъ трудящагося класса.» Видите, какъ скоро защитники своихъ матерьяльныхъ и умственныхъ интересовъ превращаются просто въ защитниковъ интересовъ трудящагося класса!

«*Разложеніе общины создаетъ* у насъ новый классъ промышленнаго пролетаріата.» Такъ пишутъ ученые «освободители труда», неученый представитель труда сказалъ бы: «*Развитіе капитализма создаетъ* у насъ новый классъ промышленнаго пролетаріата».

Промышленный пролетаріатъ «легче отзывается на призывъ революціонеровъ, чѣмъ отсталое земледѣльческое населеніе.»

О томъ, что рабочій классъ самъ по себѣ,—безъ всякихъ призывовъ,—революціоненъ, объ этомъ ни слова.

Теперь на сцену выступаетъ абсолютизмъ и борьба съ нимъ.

Образованныя соціалдемократами и тѣсно связанныя между собою рабочія организаціи «не замедлятъ перейти въ удобный моментъ къ общему на него нападенію, при чемъ не остановятся и передъ такъ называемыми террористическими дѣйствіями, если это окажется нужнымъ въ интересахъ борьбы».

О стачкахъ ни слова!

За «общимъ нападеніемъ» и террористическими дѣйствіями выплываетъ цѣль — демократическая конституція.

Перечисляются демократическія (но, конечно, не соціалдемократическія) требованія, «опираясь на которыя рабочая партія выдвигаетъ рядъ ближайшихъ экономическихъ требованій, какъ напр.

1) Радикальный пересмотръ нашихъ аграрныхъ отношеній, т. е. условій выкупа земли и надѣленій ею крестьянскихъ обществъ. Предоставленіе права отказа отъ надѣла и выхода изъ общины тѣмъ изъ крестьянъ, которые найдутъ это для себя удобнымъ и т. п.

2) Устраненіе современной податной системы и установленіе прогрессивнаго подоходнаго налога.

3) Законодательное регулированіе отношеній рабочихъ (городскихъ и сельскихъ) къ предпринимателямъ и организаціи соотвѣтствующей *инспекціи съ представительствомъ отъ рабочихъ*.

4) Государственная помощь производительнымъ *ассоціаціямъ*, организующимся во всевозможныхъ отрасляхъ земледѣлія, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.)

Въ заключеніе программа говоритъ о сближеніи рабочей партіи съ земледѣльческимъ населеніемъ и по отношенію къ общинѣ неожиданно слагаетъ гнѣвъ на милость.

«Появленіе «соціалдемократическаго» агитатора измѣнитъ безнадежную теперь судьбу общины.»

Ея разложеніе неотвратимо лишь до тѣхъ поръ, пока само это разложеніе не создастъ новой народной силы, могущей положить конецъ царству капитализма. Въ *примѣчаніи* къ программѣ «людямъ, находящимся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ крестьянствомъ» дозволяется дѣйствовать въ его средѣ и оказывать этимъ услуги соціалдемократическому движенію. «Соціалдемократы не только не оттолкнутъ отъ себя такихъ людей, но приложатъ все стараніе, чтобы согласиться съ ними въ основныхъ принципахъ и пріемахъ своей дѣятельности». Но будутъ ли они признаны тоже соціалдемократами?—этотъ вопросъ остается безъ отвѣта.

Такова статья-программа группы «Освобожденія Труда».

Ея главный недостатокъ, что и промышленный пролетаріатъ, и крестьянство являются въ ней не самостоятельной революціонной массой, а средствомъ для успѣха образованныхъ слоевъ высшихъ классовъ.

Если про программу рабочихъ членовъ «Народной Воли» можно сказать, что это программа не рабочихъ, а для рабочихъ, то про программу группы «Освобожденія Труда» можно сказать, что это *программа интеллигентныхъ революціонеровъ для интеллигентныхъ революціонеровъ*.

Неизмѣримо выше этой «программы-статьи» стоитъ Манифестъ Россійской Соціалдемократической Рабочей партіи», выпущенный соціалдемократическимъ съѣздомъ 1898 года.

Это не программа, но и не статья, это — манифестъ въ настоящемъ значеніи слова Въ этомъ «манифестѣ» соціалдемократія не отдѣляется отъ рабочаго движенія.

«Она сознательно хочетъ быть и остаться классовымъ движеніемъ организованныхъ рабочихъ массъ».

Манифестъ выдвигаетъ не идеалъ революціонеровъ изъ «высшихъ классовъ», а «*классовой идеалъ сознательныхъ рабочихъ всего міра*».

Русскій пролетаріатъ является въ «Манифестѣ» революціоннымъ самъ по себѣ, въ силу своего общественнаго положенія; подобно пролетаріату всего міра онъ ростетъ и здѣсь въ борьбѣ съ буржуазіей. Рабочій классъ освобождаетъ самъ себя безъ всякихъ посторонникъ «освободителей труда».

Манифестъ не выискиваетъ въ низшихъ классахъ причинъ унынія и разочарованія классовъ «высшихъ» онъ рѣзко и опредѣленно говоритъ:

«Чѣмъ дальше на востокъ Европы, тѣмъ въ политическомъ отношеніи слабѣе, *трусливѣе и подлѣе* становится буржуазія, тѣмъ большія культурныя и политическія задачи выпадаютъ на долю пролетаріата».

Здѣсь Манифестъ почти буквально повторяетъ слова Каутскаго изъ его уже цитированной «превосходной работы» «Parlamentarismus» etc., но онъ, къ сожалѣнію останавливается на полъ-дорогѣ, не слѣдуя за Каутскимъ до конца.

«Дѣйствительно буржуазія въ Европѣ на востокъ отъ Рейна стала такъ слаба и такъ труслива, что кажется бюрократическій и сабельный режимъ могутъ быть сломлены не раньше, чѣмъ пролетаріатъ будетъ въ состояніи завоевать политическую власть, кажется что *паденіе военнаго абсолютизма должно повести непосредственно къ захвату политической власти пролетаріатомъ*».

Отсюда прямой выводъ, что русскій абсолютизмъ свалитъ пролетарская революція, направленная вообще противъ буржуазнаго гнета. Паденіе абсолютизма не по формѣ, конечно, а по существу, совпадаетъ такимъ образомъ съ паденіемъ буржуазнаго владычества. Поэтому «Манифестъ» не вполнѣ послѣдователенъ, когда заявляетъ, что

«Русскій пролетаріатъ сброситъ съ себя ярмо самодержавія, чтобы съ тѣмъ большей энергіей продолжать борьбу съ капитализмомъ и буржуазіей до полной побѣды соціализма».

Слѣдовало бы сказать:

«Русскій пролетаріатъ, *уничтожая гнетъ буржуазіи, тѣмъ самымъ сбрасываетъ съ себя ярмо самодержавія* и расчищаетъ путь для новаго соціальнаго строя».

Но во всякомъ случаѣ пролетарскаго сознанія въ «Манифестѣ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи» гораздо больше, чѣмъ въ программѣ-статьѣ группы «Освобожденія Труда».

Проектъ программы, опубликованный въ іюнѣ 1902 года «Искрой» и «Зарей» примыкаетъ не къ «Манифесту», а къ «программѣ-статьѣ», но на немъ также чувствуется и вліяніе Эрфуртской программы.

Борьба двухъ вліяній самымъ печальнымъ образомъ отражается на проектѣ «Искры» и «Зари».

Онъ много выигралъ бы, если-бы составители вполнѣ отдались вліянію Эрфуртской программы и совершенно не впутывали «статьи» группы «Освобожденія Труда».

Эрфуртская программа по образцу «Коммунистическаго Манифеста» прямо начинаетъ съ характеристики буржуазнаго общества *въ его развитіи* и выводитъ изъ этого развитія классовую борьбу пролетаріата и ея послѣдствія.

Проектъ «Искры» и «Зари» все это перевертываетъ.

въ верхъ ногами, начиная съ международности «великаго освободительнаго движенія пролетаріата» и «конечной цѣли» русской соціалдемократіи. Переходя къ буржуазному обществу проектъ отдѣляетъ характеръ его отъ «хода его развитія», что нарушаетъ послѣдовательность изложенія и ведетъ къ многословію. Вообще проектъ не считается съ правиломъ «словамъ тѣсно, мыслямъ просторно»; въ немъ напротивъ, словамъ просторно, мыслямъ тѣсно. Его теоретическая часть чуть ли не вдвое длиннѣе хотя бы теоретической части проекта «Жизни», и въ ней однако упущены такія характерныя и важныя для соціалдемократіи черты современнаго общественнаго развитія, какъ «превращеніе капиталистовъ въ простыхъ собирателей прибыли», какъ возможность при современномъ развитіи промышленности удовлетворять потребностямъ всѣхъ членовъ общества, какъ ростъ необезпеченности представителей умственнаго труда; всѣ эти черты нашли себѣ мѣсто въ краткой теоретической части проекта «Жизни». Нашло тамъ мѣсто и указаніе на просвѣтленіе классоваго *сознанія* пролетаріата, что тоже упущено «Искрой» и «Зарей».

Плохо воспринявъ положительныя стороны Эрфуртской программы, проектъ «Искры» и «Зари» усиливаетъ одну изъ ея ошибокъ. Въ Эрфуртской программѣ соціалдемократія не выведена изъ классоваго рабочаго движенія, а противопоставлена ему.

Проектъ «Искры» и «Зари» идетъ въ этомъ отношеніи гораздо дальше. Его соціалдемократія, висящая въ воздухѣ, организуетъ пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію.

Такимъ образомъ, съ одной стороны мы видимъ пролетаріатъ, съ другой соціалдемократію, съ третьей партію пролетаріата. У «Искры» и «Зари» не только сознательный пролетаріатъ не сливается съ соціалдемократіей, но даже политическая партія пролетаріата и соціалдемократія представляютъ два различныхъ существа, иначе соціалдемократія не могла бы «организовать пролетаріатъ въ партію. Это разъединеніе видно также и изъ слѣдующаго заявленія «проекта»:

«*Считая* свою партію однимъ изъ отрядовъ всемірной арміи пролетаріата, русская соціалдемократія пре-

слѣдуетъ ту же конечную цѣль, къ которой стремятся соціалдемократы всѣхъ другихъ странъ».

Если бы соціалдемократія, по мнѣнію: «проекта». была партіей пролетаріата, онъ сказалъ бы: «являясь однимъ изъ отрядовъ» и т. д.

Теоретическая часть проекта «Искры и «Зари» заканчивается указаніемъ, что ближайшей политической задачей Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія ставитъ низверженіе царскаго самодержавія и замѣну его республикой на основѣ демократической конституціи.

Далѣе идетъ перечисленіе политическихъ требованій, значительно урѣзанныхъ сравнительно съ Эрфуртской программой.

Требованіе отмѣны всѣхъ косвенныхъ налоговъ и установленія прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства выдѣлено, какъ «основное условіе демократизаціи нашего государственнаго хозяйства». За демократизаціей государственнаго хозяйства идетъ рабочее законодательство и, наконецъ,—мѣры «въ цѣляхъ устраненія остатковъ крѣпостного порядка, тяжелымъ гнетомъ лежащихъ на крестьянахъ, и въ интересахъ свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ».

Въ слѣдующихъ главахъ намъ придется касаться и рабочей, и крестьянской программы «Искры» и «Зари»; здѣсь же пока ограничимся мѣткой характеристикой этихъ двухъ отдѣловъ программы, данной въ № 4-мъ «Зари» (стр. 158 отд. 2-й) однимъ изъ авторовъ его Н. Ленинымъ.

«Въ первомъ изъ нихъ (рабочемъ) всѣ рѣшенія чрезвычайно просты, понятны даже совсѣмъ мало посвященному и мало думавшему человѣку, «естественны», близки, легко осуществимы. Во второмъ, наоборотъ, большинство рѣшеній чрезвычайно сложны, «непонятны» съ перваго взгляда, искусственны, мало вѣроятны, трудно осуществимы».

Проектъ заканчивается обѣщаніемъ «поддерживать всякое оппозиціонное и революціонное движеніе, направленное противъ существующаго въ Россіи общественнаго и политическаго порядка» и заявленіемъ твердаго убѣжденія въ томъ, что полное, послѣдовательное и прочное осуществленіе указанныхъ политическихъ и соціальныхъ преобразованій возможно лишь

путемъ сверженія самодержавія и созыва *учредительнаго собранія*, свободно избраннаго всѣмъ народомъ».

Заявленіе «твердаго убѣжденія» совершенно излишне и прямо смѣшно, такъ какъ врядъ-ли даже самый минимальный искристъ можетъ думать, что «полное, послѣдовательное и прочное осуществленіе» демократической республики, т. е. перваго изъ указанныхъ проектомъ политическихъ преобразованій, возможно при существованіи самодержавія.

Что касается до обѣщанія поддерживать всякое, не только революціонное, но и оппозиціонное движеніе, то составители проекта, вѣроятно думаютъ, что они находятся въ хорошемъ обществѣ К. Маркса, который нѣчто подобное заявилъ въ концѣ «Коммунистическаго Манифеста». Но это было въ 1847 году, и то, что тогда было допустимо, то не допустимо теперь послѣ іюньскихъ дней 1848 года и послѣ майскихъ дней 1871 года, когда, говоря словами Маркса, «открылась та истина, что малѣйшее улучшеніе положенія пролетаріата въ *предѣлахъ* буржуазной республики остается *утопіей* и что эта утопія становится *преступленіемъ* при первой попыткѣ осуществить ее».

Черезъ два мѣсяца послѣ опубликованія проекта «Искры» и «Зари» появился проектъ соціалдемократической организиціи «Жизни» (въ августѣ 1902 г.).

По *внѣшнему* построенію проектъ «Жизни» имѣетъ много общаго съ проектомъ «Искры» и «Зари».

Программа дѣлится на принципіальную часть и практическую, распадающуюся на общедемократическія требованія, на требованія спеціально рабочія и на требованія крестьянскія (аграрная программа). Но въ проектѣ «Жизни» нѣтъ обѣщанія поддерживать всякое оппозиціонное движеніе, его теоретическая часть твердо стоитъ на ногахъ, соціалдемократія не противопоставляется ни пролетаріату, ни его партіи, демократическія требованія полнѣе и шире, аграрная программа понятна всякому, и ея требованія продиктованы не заботой о развитіи классовой борьбы, о чемъ заботится капитализмъ, а необходимостью поднять деревенскую культуру и повысить производительность крестьянскаго труда.

Наконецъ, въ началѣ 1903 года появился проектъ группы «Борьба».

Построеніе его сходно съ построеніемъ двухъ предыдущихъ проектовъ.

Теоретическая часть написана болѣе сжато и сильно, чѣмъ теоретическая часть проекта «Искры» и «Зари», но и въ проектѣ «Борьбы» соціалдемократія является чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ пролетаріата и его партіи.

«Такимъ образомъ, — говоритъ проектъ «Борьбы», — основной задачей соціалдемократіи является развитіе классоваго самосознанія пролетаріата и организація его въ особую самостоятельную политическую партію».

Въ аграрной программѣ «Борьбы» выдѣляется требованіе «экспропріаціи крупныхъ землевладѣльцевъ и переходъ ихъ земли въ собственность государства».

Предлагаемый мною проектъ программы «Русской соціалдемократической рабочей партіи» является развитіемъ проекта «Жизни», въ выработкѣ котораго я принималъ дѣятельное участіе.

На съѣздѣ организаціи «Жизни, работавшемъ надъ составленіемъ проекта программы, я предлагалъ внести въ практическую часть требованія, направленныя къ уничтоженію частной собственности на землю и средства производства, но послѣ возраженій со стороны нѣкоторыхъ товарищей взялъ это предложеніе обратно, рѣшивъ еще разъ хорошенько подумать и поработать надъ этимъ важнымъ вопросомъ.

Послѣ съѣзда чѣмъ больше я думалъ и работалъ, чѣмъ больше бесѣдовалъ съ товарищами, пріѣзжавшими изъ Россіи, тѣмъ сильнѣе крѣпло во мнѣ убѣжденіе, что пролетаріатъ въ Россіи, какъ и на Западѣ въ своей программѣ можетъ имѣть въ виду лишь *пролетарскую,* а не *буржуазную* революцію и что поэтому ему въ практической части программы необходимо выставить требованія, являющіяся вторженіемъ въ право частной собственности, и я счелъ себя не только въ правѣ, но и *обязаннымъ* выступить съ предлагаемымъ проектомъ.

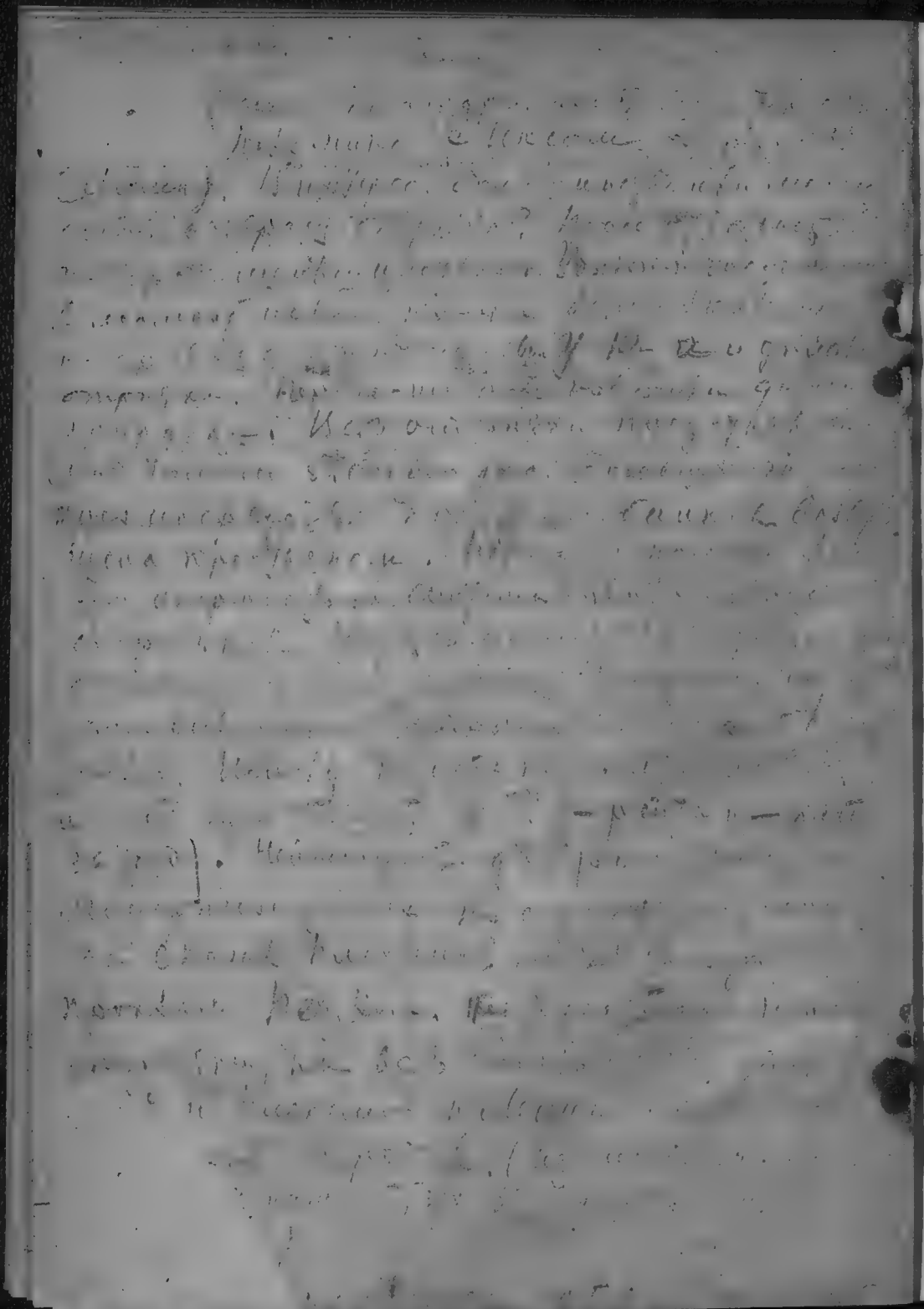
Изъ моихъ критическихъ замѣчаній на существующія соціалистическія программы самъ собой вытекаетъ планъ построенія предлагаемаго мною проекта. За теоретической частью, дающей объективную характеристику развитія современнаго общества, развитія,

которое создаетъ пролетаріатъ съ его классовой борьбой и съ сознательной выразительницей этой борьбы — соціалдемократіей, слѣдуетъ указаніе на *пролетарскія средства* революціоннаго переворота во имя проявленія истинной народной воли.

Вмѣстѣ съ свободнымъ проявленіемъ народной воли наступаетъ возможность практическаго осуществленія не только политическихъ, но и экономическихъ или соціальныхъ требованій соціалдемократіи.

Перечисленію этихъ требованій посвященъ второй отдѣлъ практической части программы.

Третій отдѣлъ включаетъ въ себѣ сводъ тѣхъ требованій, которыя рабочій классъ во всемъ мірѣ выставляетъ въ своей повседневной экономической борьбѣ и осуществленіе которыхъ онъ въ Россіи добивается въ *до-революціонный* періодъ, т. е., какъ при формальномъ самодержавіи, такъ и въ томъ случаѣ, если по соглашенію между господствующими классами, оно смѣнится лже-конституціонализмомъ.

Таково построеніе предлагаемаго мною проекта.

Слѣдующая глава будетъ посвящена поясненію его теоретической части.